

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 27

Москва
МАКС Пресс
2004

ББК 81
Я410

К 250-летию МГУ имени М.В. Ломоносова

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

д.п.н., проф. *Ю.Е. Прохоров*

д.ф.н., проф. *Ю.А. Сорокин*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с её безгнорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном и/или электронном виде, включая размещение в Интернете

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. —
Вып. 27. — 96 с.

ISBN 5-317-01052-7

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные проблемы коммуникации как в свете лингвкогнитивного подхода, так и в сопоставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лингводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, коннотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподавателей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 – в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 – в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 – в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуск 26 – в 2004 г.

ББК 81
Я410

ISBN 5-317-01052-7

© Авторы статей, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

- Филимонова Е.Н.* Орнитологический и энтомологический коды переводных произведений (на материале переводов с корейского и китайского языков).....4
- Опарина О.И.* Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира.....26

ЛИНГВИСТИКА

- Малюга Е.Н.* Роль и значение речевого этикета в английском языке делового общения.....36
- Аниховская Т.В.* История Би-Би-Си в ракурсе риторики интеллективного общения40
- Изотов А.И.* Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы.....56

ЛИНГВОДИДАКТИКА

- Булгакова Л.Н., Захаренко И.В., Красных В.В.* К вопросу о формировании коммуникативной компетенции (на материале пособия Л.Н. Булгаковой, И.В. Захаренко, В.В. Красных «Мои друзья падежи: Грамматика в диалогах»).....66
- Туманова Ю.А.* Европейский преподаватель в Южной Корее: наблюдения и выводы73
- Нечаева Л.Н.* Праздник поэзии как форма функционирования классической литературы среди иностранных учащихся87

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Орнитологический и энтомологический коды переводных произведений (на материале переводов с корейского и китайского языков)

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2004

Типология образов птиц и насекомых в корейской и китайской художественной литературе представлена реально существующими и мифическими видами птиц (*цапля, чайка, феникс, луань, синяя птица богини Сиванму* и мн.др.), а также насекомыми (*бабочки, цикады, пчелы* и др.). В образе тех или иных птиц и насекомых актуализированы различные традиционные значения, восходящие к мифологическим представлениям об этих птицах и насекомых у корейцев и китайцев. В дальневосточных традициях они выступают как важный элемент религиозно-мифологической системы, обряда и ритуала. Птицы могут выступать как ездовые животные небожителей (*журавль, луань*), тотемные предки (*феникс, петух, сорока, ворона*), средство защиты от злых духов (*петух*) и т. д. Птицы связаны с пророчествами и предсказаниями (*журавль, ласточка*) (см. Конрад 1996, 84-85). Орнитологическая и энтомологическая темы широко представлены в дальневосточной символике (напр., *цапля* – символ чистоты, *бабочка* – символ радости, *цикада* – вечной жизни, *мандаринские утки* – верности в браке, *гусь* – вести, письма и т. д.). В данной статье мы остановимся лишь на основных представителях семейства «пернатых» (*цапля, чайка, ласточка, иволга, гусь, утки, кукушка*), а также насекомых (*бабочки, цикады*), символика которых и составляет, на наш взгляд, так называемые орнитологический и энтомологический коды переводных с корейского и китайского языков произведений.

Цапля

В Китае *цапля* считается символом предков (см. Тресиддер 2001, 400).

В корейской литературе образ *цапли*, так же как и образ журавля, сложился на основе древних представлений и наблюдений над жизнью и повадками этой плохо привыкающей к человеку, необщительной птицы. С древних пор обратили на себя внимание ее белая окраска и способность поедать не только рыбу, но и змей, а также традиционная со-

отнесенность с Западом – стороной бессмертия (см. об этом Никитина 1994, 211).

Наряду с мандаринскими утками, журавлем и ибисами *цапля* – элемент идеальной картины природы весной:

«Здесь парами летают мандаринские утки, резвятся и плещутся в воде золотые рыбки, похожие на пиалы, цветут разные цветы и травы. На восточной и на западной стороне гнездятся белые *цапли*, на юге – ибисы, а на севере из тонких ветвей бамбуковых зарослей выглядывает длинноногий журавль» («Роза и Алый Лотос» 1974, 322).

Цапля – знак осени:

«Дождь на нивах сиротливых – // Время *цапли* седой» («Классическая поэзия...» 1977, 474).

Цапля – символ чистоты и незапятнанности мирской пылью, ее белый цвет – сама чистота природы. Эту белизну помогает сохранить ее «нелюдимость», нежелание общаться с кем то ни было и близость к «синим водам», помогающим смыть мирскую пыль:

«Туда, где галки черные кружатся, // Ты, *цапля* белая, не опускайся! // Ведь воронье, исполненное злобой, // Завидует тому, что ты бела! // Омытая волною чистой, бойся // Нечаянно запачкаться о них!» («Бамбук в снегу» 1978, 44).

Цапля – друг отшельника, разделяющая все его мысли и думы:

«Одинокая белая *цапля*, стоишь // Ты на белом прибрежном песке. // Знаю я: только ты могла разделить // сокровенные думы мои» («Классическая поэзия...» 1977, 453).

Цапля – цветовой образ. За ней закреплены белый, голубой и желтый цвета:

«На переправе // ветер затих, // Белая *цапля* прищурила глаз!» (Сон Хён 1994, 67); «голубые и белые *цапли* прогуливаются парочками...» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 504); «И желтых *цапель*, прилетевших в гости...» (Ду Фу 2000, 278).

Бытовые предметы изготавливались в форме *цапли*:

«Вот кувшин с длинной, как у *цапли* шейкой...» («Верная Чхун Хян» 1990, 44).

В эпоху Мин *цапля* служила знаком различия чиновников шестого ранга (см. «Цветы сливы...» Т.2. 1998, 120):

«На госте был закрытый, застегивающийся на правом плече халат с круглым воротом и ярким квадратным знаком различия – *цаплей*, летящей в облаках...» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 202).

Белая *цапля* и белый журавль запечатлены на многих картинах, аппликациях, вышивках корейских мастеров разных эпох.

В соответствии с китайскими церемониями накидка из пуха *цапли* служила единственной и обязательной одеждой для наложницы китайского императора. *Цапля* хорошо ловит змей и поэтому символизировала в Китае также защиту от всякого коварства (см. Семанов 2000, 51-52).

Метафорические названия Кореи – «*страна белых цапель*», «*страна белых журавлей*» (см. Васильев 1976, 3).

Цапля отмечена в образном сравнении: с *цапляй* отождествляется грациозная девушка. Для носителей корейского языка лексема *цапля* коннотативно обусловлена, для русскоязычных читателей же эта информация остается за «кадром», поэтому русскоязычным читателям сравнение девушки с *цапляй* может показаться странным и ошибочным.

«А третья – словно *цапля* возле речки...» («Бамбук в снегу» 1978, 211).

Цапля входит и в число животных, с которыми соотносится внешне непривлекательный, неприятный человек:

«Каков собой этот янбан? Та отвечала: – Голова совиная, глаза – будто у коршуна, рот – словно *клюв цапли*, шея жабы» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 149).

Цапля отмечена в пословице и поговорке:

«Собравшись с мыслями, Ми И Чхан вымолвил: «*Ворона не может оборотиться в цаплю, а цапля в ворону*. Ваш верноподданный умрет, обвиненный в предательстве, но настанет день, когда на крыше беседки Чансугаг излучится свет, извещая о вражеской агрессии против Когурё...» («Гора Тэсон» 1979, 27); «Как бы не получилось у нас по поговорке: «*Вздумала крапивница угнаться за цапляй, да ноги поломала*» (Юн Се Дюн 1960, 120).

Чайка

Чайка выступает как элемент идеальной картины природы:

«Несется туча над вершиной горной, // И *чайка* над морской резвится гладью»; «За нашей деревушкой солнце село. // Уже вернулись с лова рыбаки, // И *чайки* белые угомонились...» («Классическая поэзия...» 1977, 428; 433).

Чайка в корейской литературе выступает как посланница другого мира, где царят счастье, радость и покой.

«Ты, *чайка* белокрылая не бойся: // Ведь я всего только узнать хочу, // Где те края прекрасные, в которых // Летала ты? Откуда ты, скажи? // И я туда отправлюсь за тобою, // И я найду там радость и покой!» («Бамбук в снегу» 1978, 120).

Чайка – молчаливый друг отшельника, понимающий его мысли:
«Зеленый холм у синего ручья, // А над ручьем в тумане – деревушка, // Наверное, тебе известно, *чайка*, // О чем отшельник размышляет здесь, // Когда в окно его глядит луна, // Слышны из дома звуки каягы-ма?» («Бамбук в снегу» 1978, 77).

Чайка – вечный спутник изгнанника:

«Белая *чайка*, останься со мной, // Не дай вековать в тоске! // Ужели одной приятней смотреть // Лунную тропку в песке? // Изгнанник я, как и ты, пришел // Красотой любоваться в реке» («Сон...» 1982, 121).

Чайка может выступать как эталон совершенства и изящества. Нежная и изящная девушка соотносится с *парящей чайкой*:

«Как *чайка*, парящая над морской волною, как цветы персика, плывущие из Улина, была она нежна и изящна» («Повести страны зеленых гор» 1966, 218).

Молодой человек, помахавший на прощание рукой своей любимой, отождествлен с *чайкой*, взмахнувшей крыльями:

«... будто белая *чайка* взмыла над пеной волн, взмахнула крылом и внезапно исчезла. Так и милый Чхун Хян помахал где-то там, далеко, рукой. И уж нет его больше, нет, как не бывало» («Корейские повести» 1954, 110).

Иволга

На Дальнем Востоке *иволги* связаны с временем цветения природы, с весной (см. Chevalier, Gheerbrant 1994, 725).

«Две бабочки летают среди цветов, // Две *иволги* среди ив зеленых вьются» («Бамбук в снегу» 1978, 192).

Иволги – цветовой образ. За ними закреплен желтый цвет:

«... в зеленеющей листве ивы славила весну желтогрудая *иволга*...» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 499); «Словно золотая, среди ив // *Иволга* счастливая летает» («Бамбук в снегу» 1978, 282).

На Дальнем Востоке цвет перьев *иволги* считался эталонным. После государственных экзаменов на чин голову занявшего первое место украшали цветами корицы и одевали в платье цвета перьев *иволги*. Это нашло отражение в литературе:

«Когда Моннён покидал экзаменационный двор, голову его украсили цветком, на самого надели платье цвета перьев *иволги*» («Верная Чхун Хян» 1990, 92).

Иволги выступают как звуковой образ:

«И слышу я, как *иволги* поют...» («Бамбук в снегу» 1978, 190); «Золотая *иволга* приятным щебетанием зовет дружка, радуясь сиянью весны» («Приключения зайца» 1990, 334).

Иволги соотнесены с любовной тематикой. В Корее и Китае *иволги* – символ счастливой жизни в браке (см. об этом Chevalier, Gheerbrant 1994, 725). В дальневосточной художественной литературе зачастую влюбленные отождествляются с *иволгами*:

«Симынь Цин, ни слова не говоря, посадил ее к себе на колени, и они, словно *иволги*, запорхали друг к другу...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 234).

Иволга встречается в образных сравнениях. В дальневосточной красавице все совершенно: ее голос, даже рыдания. Женский голос, а также ее плач соотнесены с песней *иволги*. Следует отметить, что и щебетание ласточек в корейской языковой ментальности также считается эталонным:

«Вдруг слышу за стеной нежный женский голос, такой мелодичный, очаровательный, словно трель *иволги* или ласточки» («История цветов» 1991, 501); «... рыдания напоминали переливы *иволги* в дремучем лесу» («Корейские повести» 1954, 106).

В корейской художественной литературе за *иволгой* закреплено такое человеческое качество, как неторопливость:

«... нетороплива, как *иволга*...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

Гусь

В дальневосточной традиции дикий *гусь* считался мужским, солнечным знаком, однако в искусстве дальневосточных стран более важным было значения *гуся* как лунной, осенней птицы (см. Трессидер 2001, 69).

Царь-гусь (кит. Янь-ван, Э-ван) – популярное на Дальнем Востоке образное название Будды, объясняемое в традиции как намек на одно из пятидесяти новых рождений Будды – в облике *гуся* (см. Кравцова 1999, 272-273).

В русской ментальности *гусь* имеет в основном отрицательные характеристики. Это ненадежный человек, пройдоха и плут (ср. *Ну и гусь! Хорош гусь! Гусь лапчатый!*), а также сердитый человек (ср. *Как у гуся: сердце маленькое, а печенка большая*) и человек, которому все нипочем (ср. *как с гуся вода*) (см. об этом Брагина 1995, 107).

Дикий гусь – элемент идеальной картины природы:

«В лотосовом пруду резвились золотые рыбки. Испуганный шагами человека, проснулся спавший в траве *гусь*» («Корейские повести» 1954, 187); «В тени сосны спят два белых *гуся*, по каменистой тропе бродят

олени. Множество прекрасных мест видела Хун, но такую волшебную красоту впервые» («Сон...» 1982, 85).

Дикие гуси могут выступать как приметы весны, так и осени:

«Белый гусь столько раз // Пролетал, возвещая весну...» (Ли Бо 2000, 127); «*Гуси* дикие летят в Хэньян, // на крыльях несут с собой осень» («Нефритовая роса» 2000, 123).

Пролетая в небе осенней ночью, *гусь* напоминает человеку о том, что и в его жизни наступила осень:

«Стоял высоко в небе Млечный Путь, // И *дикий гусь*, крича, летел куда-то. // В ту памятную ночь мои виски // Покрылись инеем – и он не тает... // Как грустно видеть в зеркале своем // Седую голову, лицо в морщинах...» («Бамбук в снегу» 1978, 169).

Гусь в корейской литературе в основном ночная птица:

«На отмель опустился *дикий гусь*. // За нашей деревушкой солнце село» («Бамбук в снегу» 1978, 75).

Этот образ связывается с представлением о ночном одиночестве человека, разлуке с родными местами, любимым; крик одинокого *гуся* в ночи вторит тоске человека, подчеркивает его одиночество в этом мире (см. об этом Никитина 1994, 199).

«Зачем ты, *дикий гусь*, кричишь так скорбно, // Когда луна и осень на дворе? // Холодный ветер, до небес взметнувшись, // На юг родной дорожку преградил? // От крика твоего я пробудился // И слышу, как летишь ты в вышине»; «*Гусь* одинокий мимо пролетел, // Холодный иней покрывает землю. // О, как темна сегодняшняя ночь! // Как много их, печальных дум со мною!» («Бамбук в снегу» 1978, 162).

С темой разлуки и ночного одиночества переплетается тема вести. В дальневосточной традиции *гусь* – символ вести, письма.

«Когда морозной ночью светит месяц, // Я слышу в небе крик твой, *дикий гусь*! // Спеша на юг со стороны полночной, // Над городом столбичным ты летишь... // Неужто, вести из родного края // Не передав, исчезнешь ты вдали?» («Бамбук в снегу» 1978, 178); «Государев зять...приготовил письмо и, привязав его к лапке *гуся*, напутствовал: «Возвращайся на родину и отдай это письмо матушке-государыне!» («Повесть о Чёк Сёные» 1986, 39).

Символ восходит к преданию о полководце Су У, которого ханьский император У-ди отправил послом к гуннам (I в. до н. э.). Те пытались склонить его на свою сторону, но Су У остался верен родине. Тогда гунны сослали его в далекие северные земли. Новый посол потребовал освобождения Су У, но ему ответили, что он умер. Много лет Су У пас баранов. Однажды он увидел *дикого гуся*, оторвал кусок от своей ветхой

одежды, и написал кровью письмо китайскому государю и послал его с *гусем*. Этот *гусь* будто бы был сбит стрелой самого императора. Император смог добиться у гуннов освобождения Су У. С тех пор *гусь* – олицетворение вести, письма (см. Троцевич 1971, 124; 1975, 185; «Цветы сливы...» Т.2. 1998, 404). Упоминание об этом предании находим в литературе:

«Десять лет он у варваров // Прожил в жестоком плену, // Но сумел сохранить // Доверительный знак государев. // Белый *гусь* сколько раз // Пролетал, возвещая весну, // Но письма не принес – // А скрывался, крылами ударив. // Пас овец – Су У – // В чужедальном и диком краю...» (Ли Бо 2000, 127); «*Гуси, гуси!* Не вы ли, «пролетев над Северным морем, доставили весточку от Су У?...» («Корейские повести» 1954, 139).

Крик одинокого *гуся* символизирует разлуку с любимым:

«*Гусь* закричал – я глянула в окно // И вижу: снег в лучах луны сверкает. // Она сияньем заполняет мир // И милому, наверно, где-то светит. // И только у меня, в душе моей, // Такая тьма, такая безысходность!» («Бамбук в снегу» 1978, 200).

В корейском и китайском народном изобразительном искусстве много картин посвящено свадебной символике, на которых изображали *диких гусей*. *Дикие гуси* всегда летают в паре и никогда не покидают друг друга, поэтому *гусь* считался эмблемой новобрачных.

Гусь или *утка* являются одним из центральных предметов в брачной церемонии: сопровождающий жениха должен был с *гусем* (или *уткой*) первым войти в дом невесты и положить птицу на верхушку горки риса, которая находилась в центре стола (Дмитриевский 1884, 168; Никитина 1982, 148). По другой версии, *гуся* или *утку* принимает в подол платья старая женщина, исполняющая обязанность «принимающей *гуся* или *утку*». Затем *гуся* угощают лапшой. Если *гусь* закричит, то это считается неблагоприятным признаком. Поэтому часто предпочитали обходиться деревянным *гусем*, который не кричит и ничего не ест (см. об этом подробнее Конрад 1996, 54-55; Сидихменов 2000, 380). Этот ритуал упоминается в художественной литературе:

«Правда, не будет у нас свадьбы с положенным по ритуалу *гусем*, но разве моя душа, глубокая как синие волны, забудет о Чхун Хян?» («Верная Чхун Хян» 1990, 43); «Молодой академик в алом халате, украшенном нефритом, подъехал к дому Иней с деревянным *гусем* в руках» («Сон...» 1982, 108); «Он повелел сыну надеть свадебные одежды и пойти с дарственной *уткой* на женскую половину» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 500).

Гусь отмечен в речении фразеологического характера, связанном с этим ритуалом:

«Не успел он, как говорится, *«положить гуся»*, как разыгрались беспорядки» (Пу Сун-лин, 1999, 280).

Гусь – «гастрономический» образ:

«Они поднесли жареного *гуся* в коробе, два кувшина вина...»; «В коробе было восемь отделений. В одном лежали маринованные *гусиные потроха*, в другом – нарезанное тонкими ломтиками соленое мясо...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 177; 295).

Гусь – цветовой образ: за ним закреплен белый цвет.

«... жалобно кричит в облаках одинокий белый *гусь*...» («Сон...» 1982, 553).

Феникс и *гусь* – узоры на одежде, *дикие гуси* в этом случае символизировали духовную возвышенность (Малявин 2000, 496).

«Газ на сорочке листьями-листьями вышит, покрыв ее густо; // Феникс из золота, *гусь* в серебре...» (Пу Сун-лин 1999, 344).

У гражданских чиновников третьего ранга на одежде вышивался *дикий гусь*. Квадраты с его изображением носили на халате (см. об этом Сидихменов 2000, 297-298; «Цветы сливы...» Т.1. 1998, 376).

Дикие гуси встречаются в названиях: одна из пятидесяти разновидностей китайского орнамента на шелковых тканях носит название: «*дикие гуси в облаках*» (Малявин 2000, 494).

Гусь отмечен в метафорическом выражении, которое употреблялось при характеристике красавицы: «*заставляет рыбу уйти в глубину, а гусей опуститься*» (см. Троцевич 1975, 1988).

Гусь зарегистрирован нами в иносказательных выражениях:

«Едва дошла до меня весть о вашем неожиданном вдовстве, как я тотчас поспешил сюда повидаться с вами. *Бабочка, приметив цветы, не пугается огня, гусь, узрев воду, не боится охотника...*» («Повесть о фазане» 1960, 143); «*«Дикий гусь устремляется к морю, бабочка рвется к цветку, а краб в свою нору*». А взятое вместе все это гласит: «Приходи ко мне сегодня в третью стражу»» («Корейские повести» 1954, 85).

В корейском и китайском стереотипном мышлении крик одинокового *гуся* – эталон красоты в мире звуков. С криком *гуся* отождествляется пение девушки:

«Хун... прополоскала сладким вином нежное горло и запела – ... словно крик одинокого *гуся* в голубом небе над чистой рекой донесся до них...»; «Голос был печален и нежен – словно осенью кричал *гусь*, отбившийся от стаи...» («Сон...» 1982, 43; 59).

Руки красавиц соотнесены с *крыльями диких гусей*:

«Танцовщицы исполняли всякие танцы, волнующиеся рукава из шелковых кофт были похожи на плавные взмахи *крыльев диких гусей*, а мелодии песен звучали, как голоса фениксов!» («Записки...» 1985, 242).

Гусь встречается и в других сравнительных конструкциях:

«Письмо написано кровью, будто *гуси* оставили след на ровном песке, и кровь отпечаталась густо» («Верная Чхун Хян» 1990, 98).

Утка

Утки – приметы таких времен года, как весна и лето:

«Стояла весна – прекрасная пора!.. Раскинули ветви высокие сосны, а под ними струятся речные воды и *утки* качаются на волнах» («Роза и Альый Лотос» 1974, 355); «... у входа в павильон лотосовый пруд с резвящимися в нем рыбками и дружными *селезнем* и *уточкой* – летом нет уголка краше...» («Сон...» 1982, 585).

Утка – «гастрономический» образ:

«Не успела она договорить, как на столе уже были выставлены блюда, а в них мясо горной козули, *дикой утки*, золотого карпа... и еще многое другое» (Би Сяошэн 1992, 113).

В виде *уток* изготавливались различные предметы быта и одежды, например, зеркала, женские туфли:

«... два зеркала в виде пары *уточек*» («Книга прозрений» 1997, 366); «Из-под юбки выглядывали маленькие туфельки-*уточки*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 228).

Наряду с чайкой *утка* считается другом отшельника:

«Сижу я под сосной на берегу. // Из синей речки выйдя на песок, // Со мною рядом мирно *утка* дремлет // Или, внезапно отряхнув сон, // Заводит дружбу с хлопотливой чайкой. // На целом свете нет существ свободней, // Чем *утка*, чайка белая и я» («Бамбук в снегу» 1978, 264).

Утки в дальневосточной ментальности – символ брачного союза, счастья и преданности, так как считалось, что *утка* и *селезень* сильно привязаны друг к другу, и когда они разлучаются, то чахнут и погибают. (см. об этом Сидихменов 1000, 380). Это нашло отражение в литературе:

«Хун с грустью сказала: – *Мандаринские селезни* и *уточки* всегда живут парами и никогда не разлучаются» («Сон...» 1982, 72).

Следует отметить, что в русской языковой картине мира *селезень* с *утицей* также предстают как символическое выражение супружеской верности.

На Дальнем Востоке молодых влюбленных называют «*мандаринскими утками в росе*» (см. Тресиддер 2001, 386).

«Ян сошел в покои Феи, погасил светильник и предался любви со своей красавицей наложницей, и были влюбленные, как *уточка* и *селезень* с реки Лошуй» («Сон...» 1982, 504-505); «Любовники играли в тучку и дождь, порхали как *утки*...» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 280).

Изображение *мандаринских уток*–неразлучниц используется как декоративный элемент в убранстве свадебных помещений, постельного белья и одежды новобрачных. Изображенные вместе с цветком лотоса в дальневосточных странах они символизировали супружескую верность (см. Малявин 2000, 496).

«Все спальные вещи были расшиты *утками-неразлучницами*» («Верная Чхун Хян» 1990, 46); «... покрывала и подушки с вышитыми на них *мандаринскими утками*...» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 143); «... одета она в кофту с разноцветными рукавами и юбку с изображениями *мандаринских селезня и уточки*» («Сон...»1982, 109).

Вместе с украшениями из золота, серебра, яшмы и т. д. невесте на свадьбу преподносили и *уток* (см. Сидихменов 2000, 381).

В Старой Корее символическое значение имели шапки в виде *крыльев мандаринской утки*, их надевали победившему на государственных экзаменах на чин. Это нашло отражение в литературе:

«Победившему на экзаменах одевали *мандаринскую шапочку с крыльями*. Это означало, что любое приказание короля следует исполнять с быстротой полета птицы» («Феи с Алмазных гор» 1997, 78).

Утка встречается в названиях. В Китае в руководстве по игре на цине, созданном в XVI веке, один из музыкальных приемов носит название «*одинокая утка оглядывается на стаю*» (Малявин 1995, 80).

С *уточками* соотносятся девушки:

«С чем молодую девушку сравнить?.. Иная пестрой *уточкой* плывет // По глади озера, зеркально чистой...» («Бамбук в снегу» 1978, 211); «... девушка, как *уточка* цветастая, в шелках тоскует у окна...»; «... они, вытянув шейки, точно *уточки*, уже лежат на изголовьях» (Би Сяошэн 1992, 70; 178).

Мандаринские селезень и утка встречаются в речении фразеологического характера *изведать счастья селезня и утки*, которое имеет значение ‘познать радости супружества’:

«В ту пору Кильдону было уже за двадцать, а он все еще *не изведать счастья селезня и утки*» (Хо Гюн 1990, 276).

Утка отмечена в иносказательных выражениях:

«*Завтра утка-неразлучница потеряет свою пару*. Нынче после разлуки мы разъединим свои дары, и на время нам придется примириться с этим» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 34); «*Разве не будет дочь моя по-*

хожа на утку-неразлучницу, которая беспечно гуляла по голубым рекам и потеряла своего селезня?» («Верная Чхун Хян» 1990, 43).

Ласточка

В буддизме *ласточка* – воплощение храбрости, благородства и постоянства. Существует мнение, что она приносит удачу и счастье (см. У Гохуа 1995, 178). В христианстве *ласточка* считается одним из воплощений Иисуса Христа, а также *ласточкам* уподобляются верующие, обращающиеся с молитвенной просьбой к богу. Молодая *ласточка* символизирует жажду духовной пищи (см. Jobes 1962. Part I, 1515).

Как в славянской мифологической традиции (ср. *Ласточка весну начинает, а соловей кончает; Одна ласточка весны не делает*), так и в Китае и Корее *ласточка* – традиционный символ весны, так как прилет *ласточек* совпадал с весенними ритуалами плодородия в дни мартовского равноденствия. Китайские женщины пекли пирожные, по форме напоминающие *ласточек*, и вешали их при входе в дом – это служило символом прихода весны (см. Chevalier, Gheerbrant 1994, 952).

«Стояла весна – самое приятное время для прогулок. Повсюду стремительно проносятся стайки *ласточек*, они резвятся парами в порыве весенней любви» («Верная Чхун Хян» 1990, 21).

Улетевшие на юг *ласточки* могут выступать как примета осени:

«Вчерашняя ночь // Разделила нам осень и лето. // Цикада в траве // Непрерывно звенеть продолжает, // А *ласточка* к югу // Уже улетела с рассвета» (Ду Фу 2000, 114).

Вместе с иволгами *ласточки* в корейской литературе – звуковой образ:

«Меж тем на землю спустился вечер: потемнело небо, повеяло прохладой, защебетали *ласточки*...» («Черепеховый суп» 1970, 212).

В Китае готовили суп из *ласточкиных гнезд*. Суп из *ласточкиного гнезда* – дорогое и изысканное угощение. «*Ласточкино гнездо*» – гнездо морских *ласточек* особой породы. Оно имеет форму полушария и состоит из полупрозрачного хрупкого вещества грязно-желтоватого цвета. Если такое гнездо разваривать в кипятке, то получится желтый суп. Само гнездо разваривается в нити вроде вязиги. «*Ласточкино гнездо*» высоко ценится не только потому, что его трудно найти, но и за особый вкус. Морские *ласточки* лепят из своей слюны гнездышко в щелях утесов, у берегов и на островах Южного Китая. В поисках «*ласточкиных гнезд*» крестьяне с опасностью для жизни карабкались по крутым скалам и берегам (см. об этом Сидихменов 2000, 307).

«Подали суп из ласточкиных гнезд, после – жареного гуся» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 226).

В Китае и Корее ласточки традиционно считались «счастливым» символом. Многие ювелирные композиции, выполненные в этих странах, имеют вид ласточек, бабочек, дракона, цветов и других «счастливых» символов (см. Малявин 2000, 493).

Гнездящиеся ласточки в дальневосточной ментальности имеют эротическую символику (см. Кравцова 1999, 299).

Пара ласточек – традиционный декоративный элемент, украшающий внутренние покои женщин:

«Люблю занавеску на двери, // Пара ласточек на ней!» (Троцевич 1959, 81).

В Корее существует множество примет и поверий, связанных с ласточками. Например, на Дальнем Востоке верили, что в доме, который ласточки выберут для гнездования, вскоре случится свадьба и будет много детей (см. Конрад 1996, 85;95; Тресиддер 2001, 187). По некоторым китайским поверьям, девушки чудесным образом беременели, съев яйца ласточки. Китайцы полагают, что и Конфуций происходит из рода ласточки и может по праву называться «сыном ласточки» (см. Chevalier, Gheerbrant 1994, 952).

Ласточка часто встречается в образных сравнениях. Внешний облик застенчивых красавиц соотнесен с ласточками:

«Вот красавица Чхун Хян сидит, подогнув колени... Она как ласточка, что только что присела, испугавшись в синих волнах, но вдруг с испугом заметила человека» («Верная Чхун Хян» 1990, 31); «Как женщины между собой не схожи! // Напоминает сокола одна; // Другая ласточкой сидит на кровле...» («Корейская классическая поэзия» 1956, 228).

Корейские девушки, качающиеся на качелях в весенний праздник Тано, также сравниваются с ласточками:

«Вот она, стремительно летит вперед, и кажется – то легкокрылая ласточка гонится за опавшим лепестком персика» («Верная Чхун Хян» 1960, 41); «Swinging is, however, primarily for women, many of whom had been secluded in their homes all the year round but come out this day to the village gardens or forests in beautiful colored dresses to fly to and fro like swallows or fairies on high swings» (Ha Tae Hung 1968, 163).

Прекрасная воительница уподобляется ласточке:

«Готовая к бою, она была хороша, как ласточка в стремительном полете» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 536).

Руки танцующих красавиц отождествляются с крыльями ласточек:

«Музыка стала быстрее – изгибаются тонкие станы, словно ивы под напором ветра, поднимаются вверх яшмовые руки и трепещут, словно *ласточкины крылья* в облаках» («Сон...» 1982, 706).

Нежный голос красавиц соотносится с щебетанием таких птиц, как *ласточка* и *иволга*:

«... воительница *ласточкою* защебечет, *иволгой* запоеет» («Цветы сливы...» Т.2. 1998, 258); «Девушки печалились, но, не зная стыда, щебетали нежными голосами, словно *ласточки* и *иволги*...» («Сяньчхон кыйбонь» 1962, 61).

Изящная походка красавицы сравнивается с *ласточкой*:

«Она ступает, как *ласточка* по балке Большого светлого дворца...» («Верная Чхун Хян» 1990, 30).

Походка мужчины также соотносена с порхающей *ласточкой*. Русскоязычному читателю подобное сравнение может показаться непривычным, так как подобное сравнение, скорее всего, будет отнесено русскоязычным читателем к разряду «женских»:

«Он ступал легко, будто *ласточка*, порхающая под весенним ветерком среди нежных ив» («Роза и Алы Лотос» 1974, 312).

Одинокая, в прошлом красивая, но состарившаяся женщина отождествляется с такими, казалось бы, разными птицами, как *сова*, *журавль* и *ласточка*:

«Но пройдут годы, и станешь, ты вроде *совы* на трухлявом дереве или одинокого *журавля*, будешь, как бесприютная *ласточка* на веревке» («Роза и Алы Лотос» 1974, 336-337).

Ласточке приписывается такое человеческое качество, как лень. Следует отметить, что в русской языковой ментальности за *ласточкой* не закреплено это качество.

«... ленива, как *ласточка*» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 111).

Летающая ласточка – прозвище любимой наложницы, а затем супруги ханьского императора Чэн-ди (326 г. до н. э.) Чжао Фэй-янь. Ее прозвали так за легкость, с которой она танцевала (см. «Черепашовый суп» 1970, 250):

«Их танец напоминал цветы... Казалось, будто снова ожили *Летающая Ласточка* и Люй-чжу» (Ким Ман Чжун 1961, 301).

Ласточка встречается в сравнительной конструкции:

«Прекрасная, как Ван Чжао-цзюнь, с ниспадавшими ниже ушей волосами, в юбке, которая, словно *ласточка* под дождем, касалась самой земли, понуро шла она за солдатами» («Корейские повести» 1954, 124).

Вместе с белой цаплей *ласточка* встречается в крылатом выражении:

«Хун захватила поднос с вином и вместе с Лян Юй и слугой села в маленький экипаж, чтобы проводить Яна до заставы... Поэт сказал: «Белая цапля летит на восток, ласточка улетает на запад» («Сон...» 1982, 66).

Кукушка

В дальневосточной культуре *кукушка* выступает как предвестница весны (см. Jobses 1962. Part 2, 395):

«Кукуют *кукушки*, каркают вороны, воркуют голуби. Это ли не дивная красота?» («Приключения зайца» 1990, 335); «Настало время куковать *кукушкам*. Лучшая пора в году!» («Верная Чхун Хян» 1960, 36).

Кукушка соотнесена и с летом. Считалось, что *кукушка* кукует, призывая лето:

«... жалобно кричала *кукушка*, призывая поскорей лето, и как бы в ответ ей ветер приносил откуда-то песню царства Бинь о седьмой луне, крестьяне пропалывали свои поля...» («Сон...» 1982, 589).

Кукушка – временной образ, соотнесенный с ночью:

«Сворачиваю снасти не спеша // И на луну смотрю из-под навеса... // Неужто ночь прошла так незаметно? // Опять *кукушки* голос в роще слышен» («Бамбук в снегу» 1978, 136); «Неужели надо мною ночь? // Слышен явственно *кукушкин* голос» («Классическая поэзия...» 1977, 457).

Крик *кукушки* связан с темой загробного мира, с выходом в вечность:

«Много лет я лелеял желанья, но стал *кукушкой*, призывающей души умерших» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 218).

На Дальнем Востоке традиционно *кукушка* – символ скорби и страдания, поэтому «плачь» *кукушки* связывается с тоской по умершим и часто слышен над могилами:

«Не видать в горах людей – // Лишь могилы, лишь могилы... // Нет желаний, и тоской // Сердце поймано в ловушку. // Над душой моей пустой // Плачет жалобно *кукушка*» («История цветов» 1991, 282); «... на усыпальнице Хуанлин печально кукует *кукушка*...» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 369).

В славянской традиции в поверьях и приметах также обнаруживается связь *кукушки* с несчастьем и смертью (ср. *Кукушка кукует, горе вещует; Хорошо кукуешь, да на свою б голову!*).

В дальневосточной литературе *кукушка* – звуковой образ:

«... только под шум дождя заунывно куковали *кукушки* – одна нота высокая, одна низкая» («Книга прозрений» 1991, 358).

С *кукушкой* связано предание, согласно которому правителя древнего княжества Шу Ван-ди посетил однажды Кай-мин, житель княжества Цзинь. Потрясенный высокой нравственностью Кай-мина, Ван-ди уступил ему трон, удалился в Западные горы, где, на чужбине, и скончался. По преданию, его тоскующая душа вселилась в *кукушку*, кукование которой – «бу жу гуй» – означает: «Лучше бы вернуться!» С тех пор поэтическим названием *кукушки* в Китае стало Бужугуй («Верная Чхун Хян» 1990, 370; «История цветов» 1991, 639; «Корейский повести» 1954, 193). Эта легенда часто упоминается в художественной литературе:

«Я после смерти стану птицей юаньяно, ясной лунной ночью в пустынных горах заплачу вместе с *кукушкой* – душой царевича из царства Шу, тогда хоть любимого разбужу от сна!» («Верная Чхун Хян» 1990, 82); «... начинает куковать *кукушка*, которую зовут в народе «душой царевича из царства Шу». Ее «ку-ку», означающее «лучше бы вернуться», ее грустное пение надрыгает душу травам и деревьям, птице и зверю» («История фазана» 1990, 299).

Кукушка ассоциируется с одинокой, покинутой любимым женщиной:

«Я буду тосковать без вас долгими осенними ночами одна в пустынных горах... Я стану вроде *кукушки*, что кукует ясными лунными ночами одна в пустынных горах» («Верная Чхун Хян» 1990, 61); «Я, одинокая *кукушка*, всегда одна» (Би Сяошэн 1992, 69).

Бабочка

Бабочка – элемент идеальной картины природы весной:

«Как весело двум *бабочкам* порхать // Среди цветов и пышных трав весенних» («Бамбук в снегу» 1978, 84); «... тут и там в весеннем восторге парами порхают *бабочки* и склоняются над ручьями зеленые ивы» («Приключения зайца» 1990, 334).

Как и с *кукушкой*, с *бабочкой* связаны представления о «вневремени». *Бабочка* – образ, соотнесенный с вечностью:

«Сколько людей с древности и до наших дней, поднявшись сюда, видели то же, что мы с вами! И все без следа исчезли! Одни *бабочки* в безлюдных горах да *кукушка* в бамбуковой роще не ведают ни прошлого, ни настоящего, ни жизни, ни смерти. Жалок удел людей!» («Сон...» 1982, 121).

Бабочки – цветовой образ. За ними в корейской и китайской литературе закреплены белый и желтый цвета:

«Радостные бабочки-белянки // Вьются, как снежинки, над цветком» («Бамбук в снегу» 1978, 282); «И здесь и там порхают бабочки в поисках нектара – желтые и белые» («Верная Чхун Хян» 1990, 26).

Бабочки олицетворяют свободу, наслаждение жизнью:

«В те дни, когда опять пахнет весной, // Тигровой бабочкой я стать хочу. // Порхая над полями и лугами, // Вдохну благоуханье ста цветов. // Все наслажденья нашей жизни в нем! // Найду ль ему сравненье в этом мире?» («Бамбук в снегу» 1978, 188).

В русском обыденном сознании образ *бабочки* в схожем устойчивом словосочетании *порхать как бабочка* моделируется в сознании русского, с одной стороны, на основе ее истинного свойства порхания, но, с другой стороны, это свойство приобретает оттенок легкомысленности и ветренности.

Две *бабочки* в дальневосточной традиции символизируют супружескую верность (ср. в русской языковой картине мира такими символами предстают *сокол с соколицей*, *лебедь с лебедушкой* и т. д.):

На яркой пестроте цветов // Две бабочки всегда вдвоем» («Классическая поэзия...» 1977, 436).

Бабочка – эталон невинности:

«... по чьей-то злой воле я, невинная, словно бабочка, должна умереть» («Верная Чхун Хян» 1990, 309).

Бабочки выступают как узор на одежде и обуви. В этом случае они часто символизировали безмятежную радость или пожелание счастья (Малявин 2000, 496; 532).

«Принцесса... в зеленом одеянии, украшенном шитыми золотом бабочками, прошла в Западный угол залы» («Сон...» 1982, 547); «... на ногах пара сапожек, расшитых цветами, травами и бабочками» («История цветов» 1991, 502).

Бабочками украшали фасады домов: «разрисованные бабочками балки» («Книга прозрений» 1991, 358).

С *бабочками* связана легенда о даосском философе Чжуан-цзы (IV-III до н. э.). В одной из притч Чжуан-цзы говорится, что однажды ему приснилось, будто он превратился в бабочку. Проснувшись, мудрец не мог решить: был ли он бабочкой во сне, или это сейчас бабочке снится, что она Чжуан-цзы (см. об этом «Сон...» 1982, 738; «Верная Чхун Хян» 1960, 676 и мн. др.). В корейской повести это символ мимолетного сна (см. Троцевич 1975, 189). Это нашло отражение в литературе:

«Но сны кончаются, и чувства, владевшие нами во сне, улечиваются. Кто может ответить: Чжуан-цзы был бабочкой или бабочка была Чжуан-цзы?» («Сон...» 1982, 63); «Спит она, спит, и снится ей сон. Да

такой, будто все происходит наяву. Прямо как случай с Чжуан-цзы, который так и не понял: то ли ему самому приснилось, что он не Чжуан-цзы, а *бабочка*, то ли *бабочке* пригрезилось, что она не *бабочка*, а Чжуан-цзы» («Корейские повести» 1954, 135).

На Дальнем Востоке *бабочки* – олицетворение человеческой души (см. Jobes 1962. Part 2, 263). В Корею до сих пор существует поверье, что во время дневного сна душа ребенка покидает тело, превращается в *бабочку* и порхает над цветами. Это нашло отражение в художественной литературе:

«Whenever a child takes a nap, his or her soul flies off for an outing as a *butterfly*... While all the children napped away afternoons, their souls out to flower beds, I would think of the white *butterfly*, the lost soul of the unfortunate child, forever lingering over the cabbage patch» (Mia Yun 1998, 2-3).

Бабочки встречаются в образных сравнениях. Прекрасная наездница соотнесена с *бабочкой*:

«Хун гарцевала легко и непринужденно, казалось, *бабочка* порхает над цветами» («Сон...» 1982, 561).

Одним из частых эталонных сравнений при описании женских бровей является китаизм брови-*бабочки*, что в дальневосточной литературе означает ‘тонкие брови’, ‘брови красавицы’ (см. Троцевич 1959, 84). В некоторые исторические эпохи в Китае практиковалась фигурная разрисовка губ и бровей. Брови выщипывались и подводились для придания им «модного» контура, такого, например, как *бабочки* или *крылья бабочек* (см. Кравцова 1999, 312).

«... она сидела скромно, поджав колени, нахмутив брови-*бабочки*» («Верная Чхун Хян» 1990, 31); «Десять или двенадцать красавиц с бровями-*бабочками* начали танец» (Ким Си Сып 1972, 107); «брови – как *крылышки бабочек*» («Сон...» 1982, 530).

Брови-*бабочки* в корейской литературе – цветовой образ:

«Словно в зеркале, отражались их синие брови-*бабочки*...»; «Но вы влюбились в мои желтые брови-*бабочки*...» (Ким Ман Чжун 1961, 35; 132).

Легкая походка мужчины сравнивается с *бабочкой*. Такое сравнение может показаться русскоязычному читателю по меньшей мере странным, так как в русской ментальности подобное отождествление, пожалуй, невозможно:

«Легкой походкой, словно несомая ветерком *бабочка*, стараясь остаться незамеченным, прокрадывался он где по овражку, где через кусты, тихо-тихо приблизился к девушке...» («Корейские повести» 1954, 81-82).

Бабочки встречаются и в других сравнительных конструкциях:

«Опадающие лепестки цветов – словно *бабочки*...» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 193); «Стоит его поддеть, поддразнить, он, как *бабочка* весной, полетит к цветку, не удержится» («Сон...» 1982, 255); «Хорошо, что вы мне вовремя об этом рассказали, а то попали бы, как *бабочка* в огонь» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 194); «Сейчас вы любите Чхунхян, рветесь к ней, словно весенняя *бабочка* на цветок»; «... в атласных солдатских мундирах, подпоясанных алыми кушаками с развевающимися по ветру, словно крылья *бабочек*, концами... ринулись управские посланцы к жилищу Чхун Хян»; «Тот, что бил в барабан, высоко вздымал руки, и рукава взметывались, словно порхающие по ветерку *бабочки*» («Корейские повести» 1954, 93; 121;152).

Бабочки зарегистрированы нами в иносказательных выражениях:

«Странно, во флигеле нет ничего ценного – зачем бы лезть туда во-ру? – *Бабочка летит к цветку, потому что он издает аромат*. Разве одни шелка да драгоценности прельщают мужчин?!» («Сон...» 1982, 145); «*Безмятежные бабочки, порхающие с цветка на цветок, не знают, что такое чувство, неведома им печаль*. А я целые дни... провожу в неизбывной тоске и горючих слезах» («Корейские повести» 1954, 149).

Цикада

Стрекотание *цикады* – знак лета:

«А тем временем наступила пора Начала лета... всю распевали свои бесконечные песни *цикады*, небо сияло бездонной синевой, и ночи стали темнее» (Би Сяошэн 1992, 31).

Стрекотание *цикад* является и традиционным поэтическим символом наступающей осени:

«Плачет *цикада* на высохшей ветке, // никнут желтые травы, шурша...» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 282); «Листья платана опадают под осенним вихрем; *цикады* стрекочут о чем-то далеком...» (Малявин 1995, 228).

В художественной литературе *цикада* отмечена и как звуковой образ:

«В кустах терновника звенят *цикады*» («Книга прозрений» 1997, 171).

В буддийском мире все имеет самоценную красоту. Восхищение вызывают не только соловьиные трели, но и стрекотание *цикад*:

«Вдруг над его головой приятно застрекотала *цикада*. Он поднял голову. Эта *цикада* хорошо поет» («Предания гор Кымгансан» 1990, 90); «К высокому тополю не смею даже шагнуть. // *Цикаду* боюсь с высоких

ветвей спугнуть. // Расслышать стараюсь полностью каждый звук. // Остальные деревья меня не влекут ничуть» («Корейские предания и легенды...» 1980, 415).

Цикада ассоциируется с бессмертием, буддийской верой в переселение душ:

«Стала звонкой *цикадой* царевны душа, и грустна // ее песенка – не умолкает она!» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 282).

Кусочек яшмы в виде *цикады* вкладывали в рот покойнику, поскольку *цикада*, вновь оживающая после зимней спячки, была для древних китайцев олицетворением вечной жизни (см. Малявин 2000, 486).

Крылышками *цикады*, расположенными в виде лепестков, и хвостами соболя украшали особый сетчатый колпак, надеваемый на церемониальный головной убор высших сановников государства эпохи Мин, носителей аристократических титулов (см. об этом «Цветы сливы...» Т.2. 1998, 419).

«Шапка была украшена сободем и *цикадой*» (Там же, 218).

Голова *цикады* – эталон женской красоты:

«И вот красавица с головкой *цикады* осмелилась возжелать...» («Корейские предания и легенды...» 1980, 58).

Метафорическое выражение восходит к стихам древнекитайского «Шицзина» («Книги песен», XI-VII вв. до н. э.). Как поясняли средневековые комментаторы, образ этот сложился потому, что «головка *цикады* квадратная, а лоб широкий». Это соответствовало тогдашним представлениям о красоте (см. «Корейские предания и легенды...» 1980, 246).

Следует отметить, что такая портретная характеристика является интеркультурной лакуной для русскоязычного читателя, а для носителя корейского языка – интракультурной лакуной (термины Ю.А. Сорокина; см. Сорокин 1977, 127, 129), так как со времен монаха Ирена, написавшего «Корейские предания и легенды...», эталоны женской красоты значительно изменились.

Волосы брюнетки отождествляются с крыльями *цикады*. Здесь *цикада* выступает как цветовой образ: за ней закреплен черный цвет.

«... в ее черные, словно крылья *цикады*, волосы, собранные под точечной шеей, был воткнут большой красный цветок» (Семанов 2000, 47).

Цикада отмечена и в других сравнительных конструкциях:

«Министр суетится, как муравей, и трещит, как *цикада*!» (Ким Ман Чжун 1961, 331); «платя из шелка, прозрачней крылышек *цикады*» («Книга прозрений» 1997, 358); «И звонкая мелодия напоминает пение *цикад*» (Сон Хён 1994, 71).

Итак, как показал анализ, птицы и насекомые в литературных произведениях участвуют в создании идеальной картины мира природы (*цапли, дикие гуси, утки, иволги, бабочки, цикады*), являются знаками трех времен года: весны, лета и осени (*цапля* – знак осени; *иволги, бабочки* – приметы весны; *гуси, ласточки, цикады* выступают одновременно как знаки весны и осени; *кукушка и утки* – одновременно весенние и летние образы). Птицы и насекомые – это эталоны различных положительных качеств и свойств: (*чайка* – эталон изящества и совершенства; *цикада* – женской красоты; *цапля* – чистоты; *гусь* – грации; *бабочка* – невинности и т. д.). Птицы и насекомые – звуковые образы в переводных произведениях (*иволга, ласточка, гусь, кукушка, цикада*).

Птицы входят в состав речений фразеологического характера, поговорок, крылатых выражений. Со многими представителями этой группы связаны предания, мифы и поверья (*цапля, ласточка, гусь, кукушка, бабочки*), некоторые являются популярными персонажами дальневосточного фольклора (*кукушка, ласточка*), а также неотъемлемой частью обрядов и ритуалов (*гусь, мандаринские утки, цикада*).

Как мы смогли убедиться, символические обозначения птиц и насекомых играют важную роль в создании национального колорита в переводных с корейского и китайского языков произведениях.

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Глав. ред. восточ. литер., 1978.
- Би Сяошен*. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
- Брагина А.* Мир животных в мире слов. Книга для внеклассного чтения. М.: Московский Лицей, 1995.
- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.113-190.
- Васильев Г.* Белая цапля. М.: Изд-во «Наука». Глав. ред. восточ. литер., 1976.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Гора Тэсон. (Сборник легенд). Пхеньян: Изд-ство литер. на иностр. яз., 1979.
- Дмитриевский П.* Корея. Записки переводчика, составленные при окружном управлении на острове Цусиме Отано Кигоро. СПб., 1884.
- Ду Фу*. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
- Ким Си Сын*. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.

- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худож. литер., 1975.
- Книга прозрений. / Сост. В.В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
- Конрад Н.И. Неопубликованные работы и письма. М.: РОССПЭН, 1996.
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
- Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб.: Изд-во «Лань», 1999.
- Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Малявин В.В. Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство» 1995.
- Малявин В.В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Нефритовая роса. Из китайских сборников бицзи X-XIII веков. СПб.: Изд-во «Азбука», 2000.
- Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, 1982.
- Никитина М.И. Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.) СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966.
- Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
- Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
- Повесть о фазане // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.131-147.
- Повесть о Чёк Сёнье (Чёк Сёньи Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
- Подвижница Сим Чхон // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.193-252.
- Предания гор Кымгынсан. Пхеньян: Изд-ство литер. на иностр. яз., 1990.
- Лу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжэя о чудесах. СПб.: Изд-во «Азбука», 1999.
- Роза и Альий Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Семенов В.И. Из наложниц в императрицы. М.: ИД «Муравей», 2000.
- Сидименов В.Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.491-547.
- Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.
- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. Вып.5. С.25-109.
- Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур (художественная литература в культурологическом аспекте) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977.
- Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ. литер., 1962.
- Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
- Троцевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
- Троцевич А.Ф. Особенности языка и стиля «Повести о Чхун Хян» // Корейская литература. М.: Изд-во восточ. литер., 1959. С.62-88.
- Троцевич А.Ф. Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. №6. М.: Изд-во «Наука», 1971.

- У Гоуа*. Национально-культурные аспекты семантики русских номинативных единиц (с позиций носителя китайского языка). Дисс. ... доктора филол. наук. М.: ИРЯ им. Пушкина, 1995.
- Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Худож. литер., 1991.
- Хо Гюн*. Достойный Хон Кильдон // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.255-284.
- Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х томах. 1998.
- Черепашовый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Юн Се Дюн*. Испытание. М.: Молодая гвардия, 1960.
- Chevalier Jean, Gheerbrant Alain*. A Dictionary of Symbols. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.
- Jobber Gertrude*. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York: The Scarecrow Press. 1962.
- Ha Tae Hung*. Guide to Korean culture. Seoul: Younsei University Press, 1968.
- Mia Yun*. House of the Winds. New York: Interlink Publishing Group, 1998.
- Pratt Keith, Rutt Richard*. Korea. A Historical and Cultural Dictionary. Great Britain: University of Durham, Curzon Press, 1999.

Страх как лингво-психологическая составляющая языковой картины мира

© О.И. Опарина, 2004

Прежде всего хотелось бы отметить, что в 50-60-е годы лингвистика находилась в плену у структурализма, занимавшегося изучением языковых фактов на основе принципиального отрыва языка от мышления и общественного развития. О необходимости сотрудничества двух равноправных дисциплин – языкознания и психологии – говорилось в трудах многих ученых, которые подчеркивали, что особенности восприятия и осознания окружающего мира влияют на нормы поведения человека. Поведение, вызванное определенными стимулами, влияет на сознание (О.С. Ахманова «О психолингвистике»)

Первой попыткой вернуться к истокам психолингвистики в рамках новой парадигмы знания на кафедре английского языка филологического факультета МГУ была диссертация на соискание ученой степени кандидата наук С.В. Параховской (2003), объектом изучения которой стали междометия, как звуковые образы эмоций. Нам показалось необходимым обратиться к понятию *страха* как лингво-психологической составляющей языковой картины мира.

Основным аспектом изучения науки во все времена были фундаментальные вопросы, касающиеся основ человеческого бытия. Со времен античности одним из таких вопросов было исследование понятия *страх*.

Что такое страх? Чего боится человек? Когда это чувство появилось и было осмыслено им? Все эти вопросы волновали человечество еще на раннем этапе его развития. Боязнь каких-то событий, явлений заставила задуматься людей о том мире, который окружал их, попробовать познать этот мир, понять истоки и закономерности этих пугающих событий. В дальнейшем человек стал всматриваться в самого себя. Что я такое? Конечен я или не конечен в этом мире, и каково мое место в этом универсуме? В связи с этим появляется одна из вечных проблем в философии, психологии и вообще в жизни человека – проблема смерти. Помимо понимания того, что любое существование конечно, в каждом обычном человеке живет инстинкт самосохранения, который заставляет принимать те или иные решения, направленные на спасение, в ситуациях, когда возникает угроза жизни.

Состояние страха заставляло человека задумываться о необходимости преодоления его, о нахождении каких-то условий, способов, дейст-

вий, а также поступков и манеры поведения, чтобы избавиться от страха. Возможно, уместно считать, что именно страх побудил человека к осмыслению своего «Я», своей роли и своих возможностей в этом мире.

Особый интерес к понятию *страха* вызван также и тем, что современное искусство (как изобразительное, так и произведения словесно-художественного творчества), обращается к некоторым составляющим страха как элементам психо-эмоционального воздействия в создании произведений, оказывающих влияние на разные органы чувств. В современных средствах массовой информации, как русскоязычных, так и англоязычных, часто встречаются слова, связанные с понятием *страха* и их производные («Братство страха» Куинн Фосетт).

Вышеперечисленные факторы обусловили необходимость изучить концепт *страха* в диахроническом аспекте. Детально рассмотрев слова лексико-семантической группы *страх* в английском и русском языках, мы пришли к выводу, что количество слов, выражающих разные аспекты *страха* как черты характера (*слабоволие*) и поведения (*трусость*), составляет большую часть в словарном запасе говорящих на этих языках. Исследования основывались на материале этимологических словарей русского и английского языков, а также толковых словарей.

В когнитивной лингвистике особое внимание уделяется эмоциональным концептам. Исходя из принципа, что язык служит для выражения значения, важно понять, как описывать значение. Согласно А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996], значение является антропоцентричным, т. е. отражает человеческую природу и видение окружающего мира человеком или группой людей, объединенной общим мировоззрением, основанным на этнической общности. Таким образом, язык изначально задает своим носителям определенную «картину мира», или «семантическую вселенную», причём каждый язык свою. Мысли, которые появляются у носителей одного языка, могут быть непонятны носителям другого языка, и как следствие – отсутствовать в этом языке. То же самое касается чувств и эмоций.

При этом все разнообразие человеческих эмоций можно свести к небольшому числу универсальных и врожденных эмоций, свойственных практически всем людям. Такие эмоции можно назвать первичными. Основания для выделения таких эмоций могут быть выделены следующие (взяты из книги А. Вежбицкой «Семантические универсалии и описание языков» [Вежбицкая 1999]):

- * некоторые эмоции существуют во всех культурах;
- * для некоторых эмоций характерно определенное выражение лица;
- * некоторые эмоции увеличивают шансы выжить.

Существует несколько списков первичных эмоций, где их количество варьирует от 3 до 11. *Страх* и *гнев* присутствуют во всех списках.

Таким образом, можно сделать вывод, что *страх* – это основополагающая эмоция, присущая многим живым существам и обнаруживаемая во всех культурах.

В последнее время особое внимание стало уделяться концепту *страха* в различных языках и при сравнении языков. В связи с этим необходимо отметить статью А. Вежбицкой, посвященную *Angst* как особому немецкому понятию [Вежбицкая 1999], и попытку сравнения концепта *страха* в немецком и английском языках, статью Н.А. Красавского [Красавский 2000], посвященную исследованию синонимического ряда *страх* на материале немецкого языка, главу в книге Ю.С. Степанова «Константы. Словарь русской культуры» [Степанов 2001], статью О.Н. Григорьевой, посвященную исследованию понятия *terrora* в современном русском языке [Григорьева 2002].

Используя положения вышеперечисленных работ, интересно было бы рассмотреть концепт *страх* в английском и русском языках, сравнить понимание и различные аспекты данного концепта.

Вначале необходимо охарактеризовать само понятие «концепт», которым мы будем оперировать в дальнейшем.

Концепт понимается как «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в сознание человека», и одновременно это то, посредством чего обыденность входит в культуру, а иногда и влияет на нее. Согласно Ю.С. Степанову, концепт – это «пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово». Исходя из такого понимания концепта, следует отметить, что лингво-психологические и лингво-культурные представления как определенная система взглядов и подходов к осмыслению действительности существенны в формировании мировосприятия и «картины мира». Поэтому, необходимо уделить особое внимание этимологии слов, являющейся важной составляющей концепта, его внутренней формой, отражающей формирование самого понятия, и философии –науки, в рамках которой проблема страха рассматривалась со времен античности, приобретая со временем особое значение.

Согласно философскому словарю, «*страх* – глубинное человеческое состояние, порождаемое способностью человека осознавать несовершенство мира, его коллизии и угрозу человеческому существованию! [Философский словарь 2001]. Из определения, приведенного выше, можно сделать вывод, что страх появляется тогда, когда человек в состоянии воспринимать и осознавать мир, т.е. работает разум человека,

который как бы «сортирует» события и явления окружающего мира. Второе интересное положение трактовки данного понятия – это «угроза человеческому существованию». Понятия *страха* и *смерти, гибели* тесно переплетены.

Феномен *страха* стал осмысливаться учеными на раннем этапе зарождения науки. Аристотель в «Поэтике» различает страшное (terrible) и чудовищное (monstrous). Он связывает понятия *страха* и *жалости*. Говоря о воздействии художественного произведения, Аристотель обращает внимание на страх и страшные явления, которые способны вызвать у зрителя жалость. Истинное эстетическое удовольствие возможно получить от страшных событий, присутствующих в произведении и обязательно вызывающих жалость. Чудовищные поступки не способны вызвать эстетического воздействия и удовольствия.

Эпикура волновала проблема жизненных страхов, страданий человека. Он выделяет три типа страха: страх перед Богами, смертью и будущим. Страх смерти появляется оттого, что человек никак не может примириться со своей смертностью. Ему трудно представить, что этот прекрасный, вечный мир будет, а он не будет существовать, исчезнет. Согласно Эпикуру, из представления о том, что мир может существовать вечно, а человек смертен, рождается иллюзорное представление, будто существует какая-то сила, которая, возможно, обеспечит какое-то иное существование после смерти. Эпикур отвергает такое представление. Он настаивает, что Смерть и Человек не имеют ничего общего. Он объясняет это тем, что, когда мы существуем, смерть еще не присутствует, а когда смерть присутствует, мы не существуем. Таким образом, получается, что смерть не имеет отношение ни к живущим, ни к умершим.

Счастье в понимании Эпикура – это жизнь без страданий, тревог и страха. Страдания могут быть и тогда, когда не имеешь того, что хочешь, и тогда, когда обладаешь этим. В первом случае человек страдает от отсутствия желаемого и стремится к нему, испытывая тревоги и терзания. Во втором случае – имея все, понимает, что это не вечно и может быть потеряно, соответственно, появляется тревога и беспокойство.

Преодолеть их можно, если прийти к осознанию места человека в этом мире и вести правильный образ жизни, с правильными устремлениями и представлениями о жизни. Именно это спасает человека от тревоги и состояния страха, т. е. состояния, когда мелочное беспокойство, волнение создают атмосферу постоянной боязни всего.

Тит Лукреций Кар, последователь Эпикура, полагал, что нужно найти путь к счастью, которое он считал возможным для личности, находящейся в водовороте жизни, различных бедствий и одолеваемой стра-

хами, угнетенной ими. Страхи – это страх перед богами, смертью и загробными наказаниями. Исходя из своей теории смертности души, он считал, что познание смертности души исключает веру не только в загробную жизнь, но и в загробное наказание, тем самым освобождает человека от страха перед адом. Устраняется и страх смерти: пока мы живы – смерти нет; пришла смерть – нас уже нет, мы не существуем, и бояться нет смысла. Страх перед богами рассеивается, как только мы узнаем, что боги обитают не в нашем мире, а в пустых промежутках между мирами. Ведя там блаженную жизнь, они не могут оказывать никакого влияния на судьбу человека, т. к. живут не в нашем мире.

В произведении «О природе вещей» Лукреций широко употребляет слова, связанные с понятием страха: *terror, horror, metus, timor, terror animi* – ‘*страх, ужас, боязнь, опасность, страх души*’. В этой поэме Лукреций противопоставляет запал битвы, яростное сражение, бой страху, а потом отбрасывает неизменную, по его мнению, оппозицию. На смену оппозиции *страх – битва* приходит противопоставление *страха* и *созерцание природы, красоты*.

В дальнейшем во всем понимании *страха* в русской и европейской культуре проступает древняя традиция восприятия *страха* и *боя, удали, решительности* как антагонистов.

Значительно позже эта тема затрагивалась Джоном Локком (1632-1704). Он отмечал, что страх – есть беспокойство души при мысли о будущем зле, которое, вероятно, обрушится на человека. Необходимо отметить, что Дж. Локк был также и психологом, поэтому он рассматривал *страх* как постоянное состояние человека, ожидание плохого, предполагаемого и закономерного или неожиданности, которая может потрясти (испугать). Таким образом, Дж. Локк разграничивает страх как постоянное состояние человека и неожиданность (испуг).

Позже, в XIX веке и особенно в XX веке, понятие *страха* становится очень актуальным и получает трактование во всех философских течениях. Теперь основополагающим объектом изучения становится сам человек, его внутреннее состояние, смысл его существования. Ведь это то, о чем задумывается каждый человек, о смысле своего существования, о том периоде времени, которое нам отведено прожить. Человек всю жизнь, на протяжении всей истории пытается как-то обессмертить себя. Он продолжает себя в потомстве, оставляет о себе память добрыми и славными поступками, создает произведения искусства, строит прекрасные здания, пишет музыку, книги, посвящает себя религии, которая говорит о бессмертии души, а значит о вечной жизни души.

Противостояние *страху* может быть в двух ситуациях: мирного времени и военного. Постоянно присутствующий страх смерти в мирное время преобразуется в созидание, в создание ценностей, которые являются вечными и принадлежат всему человечеству. В военное время на первый план выдвигаются другие ценности: здесь важна поведенческая оценка и личные качества персонажа. Война – это фон, который широко используется художниками при рассмотрении человеческой природы: способность или не способность преодолеть страх и совершить достойный, доблестный, храбрый поступок, подвиг.

Серена Кьеркегора можно назвать новатором в рассмотрении понятия *страха*. Именно для него и для его философской концепции *страх* становится базисным понятием. Одновременно Кьеркегор разграничивает два типа страха: страх высший, вечный – *Angst* и страх мелкий, повседневный – *Frygt*. Последний отравляет человеческое существование, создает атмосферу тревоги, но не приводит к отчаянию. Через отчаяние человек отвлекается от мелочности и повседневности, обращается к вечному и приобретает веру. Состояние страха или, как говорит Кьеркегор, «возможность страха» страшнее самого пугающего события. Всегда страшнее и тяжелее ожидание чего-то неизведанного. Пугающее событие, таким образом, дает свободу, свободу бытия, духа, творчества, приближает к вечному.

Философия экзистенциализма поставила перед собой задачу не только констатировать такое состояние, но, проанализировав его, помочь попытаться преодолеть его. Преодолеть его можно, лишь обретя свое «Я», найдя смысл своей жизни в самых трагических, «абсурдных» ситуациях. Для этого нужно использовать высшие возможности человеческого бытия, чтобы преодолеть охватившее людей отчаяние.

Когда нам удастся превратить «страх ничто» в «страх чего-либо», мы можем начать защищаться. Можно найти несколько способов такой защиты: отрицание (персонификация или высмеивание смерти), исключительность (я никогда не умру, умирают только другие), конечный спаситель (им может быть не только сверхъестественное существо, Бог, как было в истории человечества на протяжении многих веков, но и земной лидер или какое-то высокое дело).

В современном дискурсе широко используются слова, входящие в концептуальное поле *страх*. Безусловно, исходным и самым важным является само слово «страх». В древнерусском известно с XI в. Согласно этимологическому словарю русского языка [Цыганенко 1989], общеславянской является основа *strachъ. Явных соответствий в других, не славянских, языках не обнаружено. По корню *strachъ, с которым, по-

видимому, связано русское «строгий», восходит к индоевропейскому *(s)terg- *(s)træg- (для сравнения общеславянское *stroгъ), *(s)terk-. Последнее в русском языке в результате развития преобразовалось в «торчать». Также и на немецкой почве прилагательное strack – ‘прямой’ и глагол strecken – ‘вытягивать, делать прямым’. Оба слова восходят к тому же индоевропейскому корню и связаны с streng – ‘строгий, суровый’.

Таким образом, изначально корень заключал в себе несколько значений. Первое – ‘вытянутый, прямой’, второе – ‘строгий’. Вероятно, прилагательное в современном русском языке СТРАШНЫЙ образовалось от значения СТРОГИЙ, т. е. тот, кто может внушить страх. Однако Ю.С. Степанов, опираясь на Андре Вайана, связывает этимологию слова «страх» со словом «страдать, страсть», в дальнейшем возводя этот корень к индоевропейскому корню *ser-, входящему в славянскую основу *sr̥ā, к которой восходит также древнерусское *сирати*, также с приставками *за-*, *об-*. Корень sr̥ā- имеет первым значением ‘течь, истекать’ (русс. струя, остров) и, как следствие, значение ‘страсти, желания’.

Для доказательства этой точки зрения Ю.С. Степанов приводит следующие выражения: *страсти-мордасти, про эти места рассказывали страсти* (ужасы). Также приводится цитата из А.С. Пушкина: «*Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? – По страсти, отвечала старуха, я было заупрямилась, да староста грозил меня высечь*».

Слово СТРАХ включает в себя различные значения и разное понимание *страха*, оно обозначает сильное душевное состояние, когда человек боится чего-либо (или кого-либо); состояние тревоги и беспокойства в связи с грозящей опасностью, боязнь: *задрожать от страха, держать кого-нибудь в страхе* (в полном повиновении); *под страхом чего-нибудь* (под угрозой), *страха ради делать что-нибудь* (вследствие боязни перед кем-нибудь). Это выражение характерно для книжного стиля. *У страха глаза велики (да ничего не видят)*. Значение поговорки: ‘трусю везде страшно, везде представляется мнимая опасность’. СТРАХИ – ‘события, предметы, вызывающие чувство боязни, ужаса’. Чаще всего употребляется в разговорной речи. *Рассказывать о всяких страхах. Сделать что-нибудь на свой страх и риск. Не за страх, а за совесть* – ‘делать что-нибудь, делать добросовестно’.

Слепой страх – ‘панический страх’, т. е. очень сильный, приводящий в ужас, вызывающий панику. *Страх на тараканьих ножках бродит* – фразеологическое выражение, олицетворяющее робкого, пугливого труса. *На всякую беду страха не напасешься. В ком есть страх, в том*

есть и Бог. Всякий страх в доме хорош – ‘порядок, строгость, послушание’. Прилагательное СТРАШНЫЙ, СТРАХОВИТЫЙ – ‘наводящий страх или пугающий, ужасный’. *Смерть по грехам страшна. Жизнь – страшнее, чем умереть*. СТРАШИТЬ – ‘пугать, заставить бояться’: *одна мысль о неудаче страшит меня*. СТРАШИЛО – ‘пугало, чудище, все, что страшит’. СТРАШЛИВЫЙ человек, ребенок – ‘пугливый, бояливый, робкий’. СТРАШЛИВОСТЬ – свойство признака, ставшее постоянным качеством и присущее живому существу постоянно: *На барыню ночами страшливость находит, не знает куда деваться*. Существительное СТРАШИЛКА обозначает конкретный предмет, вызывающий страх. Это слово чаще всего употребляется в детском языке или в разговорной речи. Имеет несколько уменьшительный, насмешливый оттенок значения, и поэтому СТРАШИЛКА не вызывает сильного, реального страха или испуга.

Центральным словом английского языка является FEAR. Слово германского происхождения. Современный английский язык *fear* < среднеанглийский *fegen*, более ранний вариант *fægan* < древнеанглийский *fægan* – ‘ужасать, приходить в ужас, пугать’. Современное *fear* сохранило значение древнеанглийского *fæg*. В других германских языках можно найти параллели: древневерхненемецкий *fara*, средневерхненемецкий *vare*, современный *Gefahr* – ‘опасность’. Индоевропейский корень **reg-*, латинское *periculum*, греческое *peira*. Это слово соотносимо с древнеанглийским *fyrhtan* (>*fright* в современном английском языке). Из приведенных выше примеров видно, что значение не изменилось на протяжении времени, и слова немецкого языка сохранили изначальное значение индоевропейского корня.

В современном английском языке существительное FEAR имеет значение ‘страх, боязнь, в страхе’, *in fear* – ‘со страхом’, *to be in fear* – ‘бояться, тревожиться’, *in fear and trembling* – ‘со страхом и трепетом’, *in (for) fear of one's life* – ‘в страхе за свою жизнь’. *To put smb. in fear* – ‘нагонять страх на кого-либо’; *to put the fear of God into smb.* – ‘держать в страхе божьем’. В разговорном языке часто употребляется *no fear* – ‘конечно нет, ни в коем случае’, *without fear or favour* – беспристрастно, объективно, *no fear call* – ‘вряд ли, едва ли’.

Глагол FEAR – ‘ожидать худшего, почитать, относиться с благоговейным страхом’, в разговоре – ‘пугать, внушать страх’; *never fear* – ‘не бойтесь’; *I fear me* – ‘я боюсь’; *Don't fear me!* – ‘не пугай меня!’

Прилагательное *feared* – ‘полный страха, встревоженный’, встречается в диалектах.

FEARER – ‘боязливый человек, трус, тот, кто испытывает постоянный страх’. Прилагательное FEARFUL – ‘ужасный, страшный, пугающий, наполненный страхом’. Употребляется также со значением усиления: *it is a fearful bore* – ‘ужасная скука’, *fearful liar* – ‘отчаянный лгун’, *to be in a fearful mess* – ‘попасть в ужасную неприятность’. Наречие FEARFULLY носит эмоционально-усилительный характер, практически не употребляется в значении «ужасно», от прилагательного FEARFUL – ‘страшный, пугающий’: *fearfully pleased* – ‘ужасно довольный’.

Фразеология: *put (strike) fear in smb's heart (in the heart of smb.)* – ‘нагонять страх, устрашать’. *And this was his reward to have his girl snatch away from him under his very nose. Anyhow I put the fear of God into him* (W.S. Maugham “Then and Now”).

Without fear or favour – ‘беспристрастно, невзирая на лица’ (этимология из латыни *sine ira studio*). *He will investigate your case without fear or favour* (A. Wilson “Anglo-Saxon Attitudes”).

Можно заметить, что FEAR обозначает испытываемое чувство, которое может стать причиной проявления трусости, слабости, робости и подобных ощущений.

И в русском, и в английском языках слова *страх* и *fear* выражают сильное душевное состояние или чувство. Их важность для языка подтверждается большим количеством производных и фразеологических выражений. *Страх* является состоянием, формирующим определенное поведение и поступки людей. Состояние страха выражается по-разному в различных ситуациях. Разные аспекты *страха* и разная реакция на *страх* отражены в целом ряде слов, образующих лексико-семантическую группу.

Слова, входящие в концептуальное поле *страх*, несут определенную информацию, это разные типы страха: от высшего страха, страха вообще перед непостижимым, неизведанным, вечной боязни, имеющей философское значение (*боязнь, dread*), до страха, возникающего в каких-то конкретных жизненных ситуациях. Этот конкретный страх конкретных жизненных ситуаций подразделяется на разные ощущения, что нашло отражение в словах: нервное поведение в какой-то ситуации (*опасливый, emotive, dismay, apprehension, alarmed, трепет, робость, timid, trepidation*). В концептуальном пространстве *страха* можно выделить разные области поведения. Это и поведенческая характеристика (*трусость, cowardice*), и характеристика эмоционального и психологического состояния (*боязнь, dismay*), и черта характера (*слабость, weakness, spinelessness*). Подобные аспекты страха есть и в русском, и в англий-

ском языке. Их дальнейшее изучение является важной и очень актуальной темой в современном обществе.

Л и т е р а т у р а

1. Англо-русский словарь. / Под ред. О.С. Ахмановой, Е.А.М. Уилсон. М., 1978.
2. *Аристотель*. Поэтика. Риторика. СПб., 2000.
3. *Ахманова О.С.* Основы психолингвистики. М., 1957.
4. Большой англо-русский словарь. / Под общ. ред. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. В 2-х тт. М., 1987.
5. *Вежбицкая А.* Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
6. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
7. *Григорьева О.Н.* Имена террора в современном русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2002. № 3.
8. *Гринева Е.Ф., Громова Т.Н.* Французско-русский словарь. М., 1991.
9. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. М., 1955.
10. *Изард К.* Эмоции человека. М., 1980.
11. История философии: Запад – Россия – Восток. Кн. 1-4. / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М., 1995-1999.
12. *Красавский Н.А.* Этимологический анализ синонимического ряда «страх» // Когнитивные аспекты языкознания. Сборник научных трудов. Рязань, 2000.
13. *Кунин А.В.* Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.
14. *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993.
15. *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
16. *Лукреций К.Т.* О природе вещей. М., 1958.
17. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1953.
18. Словарь синонимов русского языка. / Под ред. Евгеньевой А.П. М., 2001.
19. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 2001.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986.
21. Философская энциклопедия. В 5-ти тт. М., 2001.
22. Философский словарь. / Под ред. Фролова И.Т. М., 1989.
23. *Цыганенко П.П.* Этимологический словарь русского языка. Киев, 1989.
24. *Черных П.Я.* Историко-Этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.
25. Collins English Language Dictionary. London and Glasgow, 1990.
26. *Hornby A.S., Jatenby E.V., Warefield H.* The advanced Learner's Dictionary of Current English. М., 1996.
27. *Klein E.* A comprehensive etymological dictionary of the English language. Amsterdam, 1966.
28. *Komova T.A.* On British/American cultural studies: an introductory course. М., 2000.
29. Longman Dictionary of Contemporary English. В 2-тт. 1992.
30. *Partridge E.* A dictionary of historical slang. Middlesex a.o.: Penguin books, 1977.
31. *Partridge E.* Origins. A short etymological dictionary of modern English. London, 1959.
32. Webster's third new international language unabridged Dictionary of the English. Springfield, 1981.

ЛИНГВИСТИКА

Роль и значение речевого этикета в английском языке делового общения

© доктор филологических наук Е.Н. Малюга, 2004

Под речевым этикетом принято понимать разработанные в данном обществе правила речевого поведения, а также систему речевых формул общения. В лингвистике все больше внимания уделяется теории коммуникации и на первый план выходят проблемы речевого поведения людей вообще, а также отдельной языковой личности и ее формирования. Языковые средства изучаются комплексно с учетом национально-культурных факторов.

Н.И. Формановской (1982) выделены специализированные функции речевого этикета, базирующиеся на коммуникативной функции – “контактоустанавливающая, регулирующая, эмоционально-модальная и функция ориентации на адресата”.

Наличие функций речевого этикета при общении рассматривается как обязательное условие успешной коммуникации, благодаря которой люди передают друг другу какую-то информацию, отвечают на вопросы или задают их, выполняют определенные речевые действия (обращаются, приветствуют, благодарят и т.д.). Необходимо помнить, что существует множество синонимичных формул речевого этикета и пользоваться всем спектром для лучшего достижения от коммуниканта желаемого действия. Например, если англичанин хочет ответить на приветствие собеседника, то он оптимистично произнесет: “Fine, thanks” или “Not so bad, thanks”. В языках разных народов, конечно, объем синонимии может быть разным.

В последнее время в деловых кругах все больший интерес проявляется к проблемам **делового этикета**. Особенно важно учитывать эти факторы в отношениях с иностранцами. Мировоззрение иностранца может быть не только специфическим, но и абсолютно не совпадать с мировоззрением человека другой культуры. Слово “мировоззрение” отражает в данном случае культурные стереотипы деловых партнеров и их стран. Игнорировать этот факт, общаясь с иностранцем – непостижимая ошибка.

Общеизвестен тот факт, что в наши дни в процесс интернационализации получения того или иного конечного продукта вовлечены и все больше вовлекаются люди самых разных профессий, принадлежащие к разным культурам. В такой ситуации стало аксиомой, что бизнесмен не получит желаемую прибыль, если он не сможет общаться с людьми не только своей профессии. Сегодня нет необходимости выезжать из страны или даже покидать свое рабочее место, поскольку каждый из нас может контактировать с большим количеством людей разных национальностей и профессий. И все время необходимо учитывать специфику конкретной ситуации общения (конференция, встреча, презентация, переговоры и т.д.).

При общении с человеком другой культуры очень важно правильно выбрать язык, на котором необходимо вести беседу. В последние годы в международной практике принято объявлять рабочим языком конференций и симпозиумов английский язык и на этом же языке проводить встречи, переговоры и т.д. Однако вряд ли это всегда обоснованно. Если, например, немецкая фирма, постоянно работающая на Российском рынке, проводит переговоры с иностранными коллегами, то рабочим языком переговоров, как правило, будет английский, несмотря на то, что около 80% персонала говорит по-немецки. Это происходит по вполне понятным причинам, связанным, в первую очередь с тем, что английский – самый распространенный язык в дипломатическом мире.

В *New York Times* были опубликованы данные ООН о том, что корреспонденция, поступающая в миссии в Нью-Йорке должна быть написана на английском языке. Английский язык (за исключением Бельгии, Румынии, Люксембурга, Албании) предпочитают в качестве международного большинство европейцев. Таким образом, английский язык постепенно фактически превратился в язык международного (делового) общения.

Деловой этикет, безусловно, направлен на соблюдение норм поведения и общения. И если политики, юристы, госслужащие или люди, профессии которых связаны с общением, не владеют речевым этикетом, то можно говорить об их профессиональной непригодности.

В изучении этикета в первую очередь уделяется внимание вежливым формам обращения, но с нашей точки зрения не следовало бы полностью игнорировать и выражение грубости, тем более, если она выступает в замаскированном виде. Сопоставим, например, два следующие примера.

Один из таких примеров явной грубости взят из книги “Management Gurus”¹.

Будучи высокообразованным человеком, Фредерик Тэйлор вначале своей трудовой карьеры работал обычным рабочим на заводе. Он проявлял большой интерес к техническому оснащению завода и однажды пришел к своему боссу Селларсу с рационализаторским предложением:

“What do you want?” shouted Sellars, when he saw the young worker.

“I want to talk to you about your plans for the new machine”, said Taylor. “I’ve found one or two problems, I’m afraid, sir.”

“Oh, have you?” said Sellars.

“Yes, sir,” said Taylor. “I hope you don’t mind, but I’ve drawn some of my ideas. I think they will solve the problem.”

“Give them to me,” ordered Sellars.

Nervously, Taylor gave him his papers. They were the product of several nights of long, hard work.

“Taylor,” said Sellars. “I believe that I asked you for your opinion of the new machine. Is that right?”

“Yes, sir,” said Taylor.

“And when I ask for your opinion,” continued Sellars, “I expect your opinion. I do not expect your ideas.”

Из данного примера видно, что речевой этикет определяется с учетом особенностей партнеров, вступающих в деловой контакт: социальный статус говорящих, служебное положение, профессия, возраст, пол, особенности характера, вероисповедания, национальности и т.д.

Грубость – может быть многосторонней. Это оскорбление, нанесение обиды, дерзкое оскорбление. Неподходящий выбор выражений в конкретном примере (начальник разговаривает с подчиненным с позиции власти – “*What do you want?*” *shouted* Sellars) + нанесение собеседнику обиды (*shouted*). Грубость усиливается тоном “shouted” и последующей репликой: “And when I ask for your opinion,” continued Sellars, “I expect your opinion. I do not expect your ideas.”

За счет изменения тона издевательски звучит и фраза “Oh, have you?”, фактически синонимичная саркастической фразе “Oh, you have, have you?”²

¹ Evans D. Management Gurus. 2000.

² См. Давыдов М.В., Малога Е.Н. Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке. Дело и Сервис, 2002. Р. 66

В коллективе нельзя на резкий тон отвечать также нарочито резко, поскольку это приведет к ссоре или скандалу. Вежливый ответ грубияну снижает речевую агрессию.

В следующем примере в рассказе “The Company Man” (D. Evans, 2000) четко отражена функция несогласия с мнением собеседников. Причем в первом случае один из менеджеров использует достаточно нейтральную формулу несогласия “I do not agree”, тогда как во втором босс General Motors А. Слоун употребляет в своей речи резкое несогласие “But I must disagree with you.” Использование модального глагола “must” перед “disagree” говорит о том, что собеседник настаивает на своей точке зрения, тем самым, давая понять, что его социальный статус выше.

Although he was not an old man, Sloan was already suffering from hearing problems. ... At the meeting to decide GM’s future direction, he listened carefully to the ideas of his colleagues.

“I do not agree,” said another manager. “We have a choice. There are two main markets for cars in this country. ...

When Sloan had heard all the managers’ ideas, he switched off his hearing aid with a loud noise. The managers all turned towards him and waited for him to speak.

“Thank you for your ideas, gentlemen,” said Sloan. But I must disagree with you. Our company has more choices than you have described...”

Можно утверждать, что, овладев основными нормами делового этикета, партнеры по бизнесу смогут избегать конфликтных ситуаций, добиваться взаимопонимания, заслужить всеобщее уважение и не оскорбить при этом своим поведением собеседника.

Л и т е р а т у р а

1. *Evans D.* Management Gurus. Penguin readers, 2000.
2. *Давыдов М.В., Малюга Е.Н.* Интонация коммуникативных типов предложений в английском языке, М., 2002.
3. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1982.

История Би-Би-Си в ракурсе риторики интеллективного общения

© Т.В. Аниховская, 2004

Как известно, при обучении студентов-филологов английскому языку за основу традиционно принимается стандартное литературное британское произношение, ассоциирующееся, прежде всего с *BBC English*. Речь дикторов Би-Би-Си в телевизионных информационных программах до сих пор было принято считать наиболее правильной, нормативной, более или менее свободной от эмоционально-оценочных коннотаций, и в этом смысле приближающейся к нейтральной или семиологически-релевантной разновидности английского языка, наиболее приемлемой для освоения иностранными учащимися.

Однако на уровне просодии нейтральность, которая декларируется в программах новостей Би-Би-Си как один из основополагающих принципов подачи материала, следует принимать с известными оговорками. Как уже отмечалось в работах, выполненных на кафедре английского языкознания московского университета, речь ведущего, несмотря на отсутствие каких-либо однозначных экспрессивно-эмоционально-оценочных обертонов, не свободна от определенного отношения с его стороны¹. Перед ведущим стоит задача выделить наиболее значимые моменты речи и расставить акценты таким образом, чтобы убедить зрителей в объективности излагаемой информации. В результате, программы новостей Би-Би-Си реализуются на фоне совершенно особого тембра, который не укладывается в рамки общепринятой методологической дихотомии тембр I – тембр II. Создаваясь за счет практически незаметного для рядового слушателя постоянного варьирования голосовых параметров, он оказывается «ненасыщенным», если можно так выразиться, какими-либо четко прослеживающимися («маркированными») элементами английской фонации и свидетельствует о риторической направленности вещания.

Необходимо отметить в этой связи, что принцип риторической направленности не является отличительной особенностью программ новостей последних лет: он всегда лежал в основе происходящих в языке Би-

¹ *Akhmanova O.S.* The Prosody of Speech. Moscow, 1973; *Миндрул О.С.* Тембр II в функциональном освещении: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Би-Си перемен, что подтверждает предлагаемая нами периодизация языковой истории Би-Би-Си. В отличие от уже существующих периодизаций, связанных чаще всего с техническими или организационными нововведениями, выделяемые нами девять периодов отражают трансформацию во времени своеобразной *риторики 'BBC English'* и свидетельствуют о том, что менялась не столько произносительная норма британского английского языка, сколько приемы и способы подачи материала в эфир, что позволяло обеспечить наиболее оптимальный контакт с аудиторией.

Первым этапом традиционно считается период **1922 – 1927** годов, когда в Британской радиовещательной компании происходит выработка основных принципов и общей идеологии общественного вещания. Первый генеральный директор Би-Би-Си лорд Джон Рит создает знаменитую концепцию теле- и радиовещания – «*информировать, обучать, развлекать*» (“inform, educate, entertain”), которая оказывает большое влияние на развитие радио и телевидения как в Великобритании, так и во многих других странах. Именно в такой последовательности эти три положения вносятся в устав Би-Би-Си как приоритетные направления ее деятельности в 1927 году и с некоторыми изменениями и дополнениями сохраняются там до сих пор.

Исходя из сказанного, необходимо пояснить, что именно вкладывает в эти понятия сам Д. Рит. Так, под *информированием* имеется в виду «донесение до общественности объективных сведений о событиях, происходящих в стране и мире», что возможно лишь при соблюдении принципов беспристрастности, точности, непредвзятости и личной незаинтересованности (impartiality, accuracy, factuality), которые со временем становятся основным законом вещания, превращаются в канон профессиональной компетентности и профессиональной ответственности дикторов².

Что касается второй функции общественного вещания – *обучать* или *просвещать* население, ей придается особое значение. Обучение и воспитание не ограничиваются рамками образовательных программ для детей и взрослых. Перед радио (а с 1936 года и перед телевидением) ставится задача «просвещать» в широком смысле слова: расширять кругозор аудитории слушателей, открывать для них новое, объяснять непонятное, заставлять стремиться к лучшему. Это означает, что в этот период Би-Би-Си возлагает на себя роль учителя, обладающего опытом

² Подробнее об этом см. *Schlesinger Ph. Putting Reality Together*. Methuen; London; New York, 1987. P. 15.

и знаниями и пытается во всем служить образцом для подражания³. Это отражается как на содержании, так и на языке вещания, в связи с чем на Би-Би-Си в качестве эталона принимается произношение RP. репутация которого в этот период настолько безупречна, что все другие типы произношения исключаются из радиовещания, а от дикторов и ведущих программ новостей прежде всего требуются идеальное владение этим произносительным стандартом, четкая дикция и полный контроль над своим голосом⁴. Постепенно понятие «BBC English» практически становится синонимом RP.

Понятие *развлечения* также интерпретируется достаточно широко. Д. Рит признает, что «в некотором смысле цель всех радиопрограмм – развлекать», или, иными словами, «превращать их прослушивание в приятное занятие» (“to occupy agreeably”)⁵. Таким образом, роль развлечения не сводится исключительно к легким, несерьезным передачам, и элемент увлекательности обязательно присутствует как в образовательных программах, так и в передачах разговорного жанра.

Тем не менее, выступая за *эффективность* подачи новостей, Д. Рит остается противником всякой «*эффективности*». По его мнению, общественное вещание должно в первую очередь служить образцом моральной сдержанности (selfless moral rectitude), что распространяется не только на речь, но и на одежду дикторов, которым приходится вести передачи в смокингах или вечерних платьях. Таким образом, отличительной чертой риторики интеллективного общения в этот период можно считать минимизацию риторических средств⁶. Однако в 20-х годах XX века такая манера является единственно приемлемой, поскольку обеспечивает надежный контакт с радиоаудиторией, состоящей преимущественно из представителей высших слоев британского общества, известных своей чопорностью и сдержанностью.

³ В этом смысле представляется интересным привести слова самого Д. Рита, который сформулировал политику компании как “to bring the best of everything into the greatest number of homes”. См. *Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. The Birth of Broadcasting 1896-1927. Vol. I. Oxford; New York, Oxford University Press, 1995. P. 218*; а также об этом *Schlesinger Ph. Указ. соч С.19-20*.

⁴ *Broadcast English: Recommendations to announcers regarding certain words of doubtful pronunciation. The British Broadcasting Corporation, London, 1931. P. 10-11.*

⁵ *Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. The Birth of Broadcasting 1896-1927. Vol. I. Oxford; New York, Oxford University Press, 1995. P. 228.*

⁶ О риторическом ‘минимуме’ (или необходимом минимуме выразительности) в интеллективном общении см. *Магидова И.М., Долецкая Е.С. Прагмалингвистика и проблема выразительности научной речи // Теория и практика изучения современного английского языка / Под ред. О.В. Александровой, С.Г. Тер-Минасовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 119 – 126.*

Следующий, **второй этап (1927-1932)**, начинается в 1927 году, когда с получением Би-Би-Си статуса общественной корпорации (The British Broadcasting Corporation) и приобретением монопольного права на радиовещание происходит еще большее усиление контроля за реализацией нормализующей роли Би-Би-Си в области языка⁷.

Подтверждением сказанного является тот факт, что именно в этот период на Би-Би-Си создается особый комитет по вопросам произношения, в состав которого в разное время входят выдающиеся британские фонетисты, лингвисты, писатели, поэты, такие как Даниэль Джоунз, Л. Аберкромби, Джордж Бернард Шоу, Роберт Бриджес, Рэдьярд Киплинг⁸. Приоритетная задача комитета заключается в том, чтобы выработать основные рекомендации относительно «правильного» произношения и общего языкового стиля ведения радиопередач. Также в это время создается специальная школа для дикторов Би-Би-Си, строго следящая за тем, чтобы они не отклонялись от принятого произносительного стандарта и демонстрировали публике правильную, «образцовую» речь⁹. Выпуски новостей в этот период отличаются крайней формальностью, нейтральностью и незэмоциональностью. В какой-то степени это объясняется тем, что до войны Би-Би-Си не имеет собственной информационной службы, и ей приходится пользоваться информацией прессы, которая готовится в расчете на визуальное (для прессы), а не слуховое восприятие¹⁰.

Следует заметить в этой связи, что строгий контроль распространяется не только на дикторов, но и на всех выступающих на Би-Би-Си, какими бы выдающимися ораторами они ни были. Люди, приглашенные для участия в той или иной радиопрограмме, обязательно проходят предварительное прослушивание, им даются рекомендации и подписа-

⁷ См. об этом Орлов Г.А. Современная английская речь: Учеб. пособие для вузов по спец. «Англ. яз. и лит-ра». М.: Высш. шк., 1991. С. 205.

⁸ Подробнее о создании и деятельности комитета, а также составе его членов, см. Bliss E., Patterson J. Writing News For Broadcast. New York, Columbia University Press, 1978. P. 44; Broadcast English: Recommendations to announcers regarding certain words of doubtful pronunciation. The British Broadcasting Corporation, London, 1931.

⁹ Briggs A. I Указ. соч. P. 268.

¹⁰ Интересным в этом смысле представляется анализ выпуска новостей, относящегося к рассматриваемому периоду времени, проведенный Р. Кверком. Как отмечает сам исследователь, язык, которым пользуется диктор программы, представляя международные новости, – не просто «печатный» (print), а “small print in a quality paper”, т.е. сугубо официальный, сухой. Единственным признаком звучащей, а не письменной речи, является допущенный диктором фальстарт (undis... undisputable). См. об этом Орлов Г.А. Указ. соч. С. 210.

ния относительно «интонационного, ритмического и артикуляционного оформления речи»¹¹.

Из сказанного следует, что, несмотря на выдвинутый уже в это время основной триумвират требований – «информировать, обучать, развлекать» – риторика интеллективного общения в средствах массовой информации еще отличается с точки зрения современного человека крайней скудностью и минимизацией выразительных средств. Это не означает, тем не менее, что она полностью исключается из общей установки вещания этого периода, и что какая-либо из ее категорий никак не прослеживается или полностью утрачивается. То, что язык «неэмоционален», не свидетельствует о том, что речь ведущего свободна от определенного отношения с его стороны. Он сознательно избирает именно такую манеру, поскольку она наилучшим образом позволяет ему выполнить стоящую перед ним задачу, а именно продемонстрировать радиослушателям свою авторитетность, компетентность и беспристрастность в освещении последних событий и «преподать урок» безупречного английского языка.

При этом контакт с аудиторией, хотя он и строится на совершенно особых принципах, остается очень тесным (даже «родственным») и не отвергается слушателем, о чем свидетельствует тот факт, например, что за назидательность и чрезмерную изысканность дикторского вещания Би-Би-Си приобретает в этот период соответствующую репутацию и прозвище «Auntie» («тетушка»)¹².

Однако в связи с началом радиовещания на мировую аудиторию в 1932 году и открытием трансляции первых телевизионных передач в 1936 перед руководством Би-Би-Си возникает задача поиска новых форм подачи материала, удовлетворяющих запросам более широкой и разнородной аудитории с одной стороны, и новым техническим возможностям с другой. Так, начинается **третий этап** в языковой истории корпорации (1932-1939). В этот период деятельность комитета по вопросам произношения и его жесткие рекомендации и предписания перестают соответствовать складывающейся ситуации. Бернард Шоу, занимающий пост председателя, заявляет, что комитет необходимо реформировать, «набрав в его члены людей не старше тридцати лет и включив в состав простых таксистов»¹³. Причину такого резкого заявления со стороны знаменитого создателя профессора Хиггинса понять

¹¹ См. об этом *Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. The Golden Age of Wireless 1927-1939. Vol. II. Oxford, New York, Oxford University Press, 1995. P. 118.*

¹² Орлов Г.А. Указ. соч. С. 205.

¹³ *Bliss E., Patterson J. Op. cit., P. 444; Briggs A. II, P. 434.*

несложно. «Английский Би-Би-Си» постепенно превращается в искусственную, жестко кодифицированную модель, не имеющую ничего общего с реальной английской речью. Это не может не вызывать негативной реакции со стороны некоторой части общественности, что угрожает потерей радиослушателей. Чтобы вновь получить статус «живого» произношения, язык дикторов должен соответствовать постоянно меняющимся требованиям английской речи.

Кроме того, в это сложное в идеологическом отношении предвоенное время возникает необходимость пополнить концепцию общественного вещания Д. Рита *«информировать, обучать, развлекать»* еще одним положением – *«вдохновлять»* или *«воодушевлять»* (“inspire”) аудиторию радиослушателей. Сотрудники Би-Би-Си опираются на огромный культурный потенциал радио, полагаются на его способность вселять в слушателей уверенность и надеются усовершенствовать общество и изменить его к лучшему. Этой идеей в данный период проникнуты не только образовательные программы, но и выпуски новостей¹⁴.

Наиболее ярко и последовательно «воодушевляющая» сила радио проявляется в появившихся в 1933 году хрониках новостей (news reels). Если обычные выпуски новостей (news bulletins) отличаются крайней официальностью, то хроники являются менее строгими по стилю. Они представляют собой 50-минутную программу, где новости сопровождаются комментариями, включениями из других регионов и музыкальными вставками, а завершаются спортивным репортажем. Речь дикторов в таких хрониках звучит менее напыщенно и более дружелюбно. Впервые в новостях находится место для личностных человеческих реакций и отношений.

Нельзя не отметить при этом, что в целом для всего довоенного периода вещания Би-Би-Си характерна ориентация на элитарные слои общества с их культурными ценностями и языковыми вкусами. Использование стилистически сниженных форм речи практически исключается. Отдельные элементы разговорной речи только изредка появляются в виде «инкрустаций» во фрагментах транслирующихся ораторских выступлений или в репликах действующих лиц в радиоинсценировках. Язык бюллетеней новостей, не говоря уже о сообщениях протокольного и официального характера, строго соответствует принятому тогда литературному стандарту.

¹⁴ Briggs A. II, P. 12-13.

Тем не менее, также как и в предшествующий период, риторическая направленность языка Би-Би-Си прослеживается в это время достаточно отчетливо, почему, несмотря на усиливающуюся к концу 30-х годов критику в адрес общего стиля корпорации, весь период с 1922 по 1939 годы старшее поколение британцев нередко с ностальгией называет «золотым веком» радиовещания, когда дикторы садились перед микрофоном в смокинге или вечернем платье и вещали на языке, не уступавшем «королевскому английскому произношению»¹⁵.

В следующий, **четвертый этап (1939-1946)**, традиционно выделяемый в связи со второй мировой войной, трансляция телевизионных передач приостанавливается и радиовещание снова выходит на первый план. Необходимо заметить, что в силу очевидного изменения общего настроения слушателей, а также из-за значительного увеличения количества людей, желающих быть в курсе последних новостей, прежняя манера вещания уже более не отвечает требованиям момента и нуждается в определенной корректировке. Так, например, Дж. Орвелл считает, что «диалект Би-Би-Си» этого периода, под которым он имеет в виду напыщенный книжный язык и «аристократическое» произношение, вызывает инстинктивную неприязнь у рабочего класса, в результате чего новости нередко не производят должного впечатления на обычного слушателя¹⁶.

Кроме того, возникает необходимость добавить к формуле «**информировать, обучать, развлекать, вдохновлять**» еще два существенных положения: «**отвлечь**» и «**утешать**» (“divert” and “console”), поскольку руководство Би-Би-Си осознает, что во время военных действий население, уставшее от серьезной и порой драматической информации, благосклоннее воспринимает легкие передачи. Создается собственная информационная служба (BBC News Investigation Service), и материалы начинают готовиться в расчете на устное восприятие. Впервые вместо чтения с листа дикторы стремятся произвести впечатление живого рассказа о новостях, что требует подключения всего арсенала выразительных возможностей голоса говорящего¹⁷. Что же касается серьезных сообщений, то считается необходимым, с одной стороны, вызвать к ним интерес, придать им характер живого обсуждения, а с другой, сделать их более лично ориентированными.

¹⁵ Орлов Г.А. Указ. соч. Р. 207.

¹⁶ См. Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. The War of Words 1939-1945. Vol. III. Oxford, New York, Oxford University Press, 1995. P. 52.

¹⁷ Орлов Г.А. Указ. соч. С. 210.

В связи с этим принимается решение перейти к более «интимизированным» формам вещания, и с 1940 года дикторы начинают представляться аудитории. Как показывают специальные исследования в этой области, «это было настолько непривычно для англичан, что многие навсегда запомнили фамилию диктора (Анджелы Рипон), впервые закончившей передачу фразой: *That's it from me...*»¹⁸. Манера ведущих, таким образом, становится более живой и непосредственной, однако они по-прежнему удерживают свой авторитет на высоком уровне, оставаясь «истинными леди и джентльменами»¹⁹. Интересно отметить, что после окончания войны, когда исчезает необходимость «утешать и отвлекать от неприятностей», на радио снова возвращаются к традиции «анонимного» вещания, которая сохраняется до 1963 года. Таким образом в этот период риторическая направленность вещания проявляется в умении почувствовать меняющиеся потребности аудитории и наилучшим образом соответствовать им, варьируя манеру подачи материала в эфир и регулируя степень проявления дикторской индивидуальности.

После войны с возобновлением телевизионного вещания наибольшее внимание уделяется проблеме представления телевизионных новостей, что позволяет обозначить это время как начало **пятого периода (1946-1955)**. Как отмечают современные исследователи, руководству Би-Би-Си не сразу удается разглядеть мощный потенциал телевидения и огромные возможности влияния на аудиторию этого средства массовой информации, в результате чего правительственная комиссия по теле- и радиовещанию 1951 года принимает постановление о том, что телевидение должно следовать тем же установкам и линиям развития, что и радио, являясь, фактически, его продолжением²⁰.

Неудивительно поэтому, что первые телевизионные выпуски новостей мало чем отличаются от радиопередач: на протяжении всей программы зрители видят на экране изображение часов, в то время как голос за кадром читает сводку последних событий. Однако постепенно все большую поддержку получает предложение о большей персонализации телевидения (*On television one must speak to people, not at people*), в результате чего в 1953 году изображение дикторов впервые появляется на экране, а с 1955 они начинают представляться аудитории.

Несмотря на то, что в этот период наблюдается некоторое «оттаивание» холодной сдержанности и беспристрастности, которая всегда

¹⁸ Там же. С. 210.

¹⁹ *Briggs A.* III. С. 119.

²⁰ *Seymour-Ure C.* *The British Press and Broadcasting since 1945.* Blackwell Publishers, Oxford UK, Cambridge USA, 1992. Указ.соч. С. 60, 85-86.

отличала дикторов Би-Би-Си, их общая манера на телевидении и радио по-прежнему остается «отстраненной, серьезной и несколько нравоучительной»²¹. Стиль выпусков новостей даже после появления дикторов на экране напоминает своей предельной сухостью и чопорностью официальные сообщения министерства иностранных дел, причем приоритет РР является безоговорочным. Несколько менее формальны телевизионные хроники новостей, которые отличаются от обычных выпусков отчетливым проявлением в них элемента развлекательности²².

Таким образом, *риторика телевизионных новостей* в начальный период своего зарождения проходит стадии, свойственные *'радиориторике'* 20-х годов и отличается минимумом выразительности и вариативности, однако на телевидении в большей степени, чем на радио, оказывается возможным проявление дикторской индивидуальности.

Время перемен в политике, экономике, науке и технике как в Великобритании, так и в мире в целом, начавшееся в середине 50-х годов XX века, и ассоциирующееся, в первую очередь, с началом демократизации британского общества и появлением новых технологий в области телекоммуникаций, не могло не оказать влияния на Би-Би-Си. В этот период, который можно выделить как **шестой этап** в истории корпорации (1955-1967), язык радио- и телепрограмм начинает впервые по-настоящему испытывать мощное влияние процесса демократизации общения²³. В немалой степени это обусловлено созданием в 1955 году Независимого Телевидения (Independent Television Network, или ITN) – второй телевизионной компании в Великобритании, положившей конец монополии Би-Би-Си на телевизионное вещание²⁴. Возникшее в результате соперничество за аудиторию заставляет руководство Би-Би-Си впервые всерьез задуматься над тем, насколько их программы отвечают потребностям телезрителей²⁵. Идеология общественного вещания, созданная первым генеральным директором Би-Би-Си Д. Ритом, с его ориентацией на элитные слои общества, постепенно уходит в прошлое. Все чаще определяющими критериями в оформлении и содержании телевизионных передач становятся вкусы основной массы населения, а не

²¹ *Schlesinger Ph.* Указ.соч. С.37.

²² *Briggs A.* IV . С. 528.

²³ *Орлов Г.А.* Указ.соч. С. 205.

²⁴ *Schlesinger Ph.* Указ.соч. С. 40-42.

²⁵ Нередко в специальной литературе, процесс, происходящий в этот период на телевидении, называют не «демократизацией», а «коммерциализацией». Имеется в виду, что именно возникшее соперничество за аудиторию, а не стремление соответствовать меняющимся социальным условиям общества заставляет руководство Би-Би-Си искать новые формы подачи материала в эфир. См. *Schlesinger Ph.* Указ.соч. С. 40.

культурные или моральные ценности аристократии довоенного времени.

В своем стремлении удержать аудиторию Би-Би-Си ищет новые способы подачи материала, старается сделать свои программы более демократичными. В частности, это проявляется в том, что возрождается возникшая во время войны традиция «рассказывать» о последних новостях, а не читать их. У каждого ведущего вырабатывается свой индивидуальный образ и стиль ведения программы. Он перестает ассоциироваться с «машиной для чтения новостей» (“talking head”), и становится узнаваемой личностью, со своими особенностями и характером²⁶.

Интересно отметить в этой связи, что в своем программном выступлении, сделанном с этот период, новый генеральный директор Би-Би-Си Джейкоб прямо заявляет, что «любое сообщение в программе новостей должно быть преподнесено в такой манере, которая наилучшим образом раскрывала бы его содержание, вызвала интерес публики и могла его удержать»²⁷. Таким образом, открыто декларируется принцип риторической направленности в программах новостей, который с этого времени действительно выходит на первый план. В результате риторический минимум в речи дикторов, принятый в первые годы существования корпорации, значительно расширяется, и все большее значение начинает приобретать практически не представленная ранее категория вариативности.

Подтверждением сказанного является тот факт, что именно в этот период в языке теле- и радиовещания впервые несколько потесненными оказываются позиции RP (хотя этот тип произношения по-прежнему сохраняет за собой значение эталона), заметно увеличивается использование менее регламентированных речевых форм за счет бесед, интервью, и выступлений по радио и телевидению носителей региональных диалектов, просторечия, молодежного жаргона. Меняется и общая тональность программ новостей, она становится менее поучительной и назидательной, более открытой и доверительной, что уже вызывает у зрителей ассоциацию не с «чопорной тетушкой» (“Auntie”) тридцатых годов, а скорее с «другом семьи» (“Family Friend”)²⁸.

Заметим, однако, что в целом основная концепция вещания – «информировать, обучать, развлекать», а также высокое качество и безупречный вкус, ассоциирующиеся с Би-Би-Си с самого момента ее осно-

²⁶ Там же. С. 41.

²⁷ Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. Competition 1955-1974. Vol. V. Oxford, New York, Oxford University Press, 1995. С. 64.

²⁸ Орлов Г.А. Указ.соч. С. 206.

вания остаются в этот период прежними. По сравнению с предыдущими этапами главное отличие риторической направленности этого периода заключается в том, что впервые предпринимается попытка передавать новости в более популярной и доступной манере, не выходя при этом за рамки беспристрастности и объективности.

Новый генеральный директор корпорации, Хью Грин, которого современные исследователи считают одним из наиболее выдающихся руководителей Би-Би-Си после Д. Рита, становится в конце 60-х годов инициатором еще более либеральной интерпретации общественного вещания, что позволяет обозначить это время как начало **седьмого периода (1967-1977)**. Универсальность концепции «информировать, обучать, развлекать» к этому времени является общепризнанной, но три основные составляющие получают новое осмысление.

Во-первых, изменяется расстановка приоритетов. Если в 30-е годы доминирующей функцией Би-Би-Си считается информирование, то в начале 70-х на первый план выходит задача «развлекать». Би-Би-Си выступает в новой для себя роли – источника «качественных развлекательных программ» ("quality entertainment source"). Как отмечают многие исследователи, это не только способствует росту популярности Би-Би-Си, но и позволяет усилить идеологическое влияние на аудиторию²⁹. Во-вторых, тембр представления новостей постепенно утрачивает присущий ему ранее оттенок «торжественности», сменяясь более доверительным и дружеским тоном. В новостях появляется элемент развлекательности, иногда допускается легкий юмор, что не мешает ведущим поддерживать свой авторитет и вызывать доверие публики.

В этой связи особый интерес представляют рекомендации, которые предлагаются начинающим дикторам в многочисленных пособиях и руководствах для работников телевидения, изданных в семидесятые годы. Так, в качестве основных требований, предъявляемых диктору, обычно называют хорошо поставленный, сильный голос, широкий диапазон, умение придать сообщению нужную тембральную окраску, ясную дикцию, правильную речь, а также простую, сдержанную и доверительную манеру общения со зрителем³⁰.

Отдельное внимание в подобной литературе уделяется вопросу подготовки ведущих выпусков новостей. Поскольку из-за ограниченности эфирного времени такого рода программы отличаются от других форм телевизионного вещания ускоренным темпом, меньшим количеством пауз, частым понижением голоса и большой информативной нагрузкой

²⁹ Там же. С. 206.

³⁰ Брус Л. Диктор телевидения / Пер. с англ. В. Ткаченко. М.: Искусство, 1973. С. 15.

каждого слова, то от ведущих новостей требуется особое умение использовать тембр как риторический прием, способствующий (а не препятствующий) восприятию освещаемых в выпуске событий. Так, например, подчеркивается, что ускоренный темп в программах новостей может передавать ощущение срочности или придавать голосу энтузиазм, но при этом ведущие не должны допускать в своей речи «смазывания» ударений или переходить на монотонную скороговорку. Чтобы избежать подобных ошибок, ведущим новостей предлагаются вполне конкретные рекомендации: увеличивать или уменьшать громкость голоса, варьировать высоту тона и общее интонационное оформление высказываний, менять ритм, удлинять начальные звуки ударных слогов при необходимости их выделения, использовать дополнительные паузы, а также изменять выражение лица, и даже применять сдержанные, хорошо продуманные жесты³¹. Однако, даже небольшой местный акцент по-прежнему является крайне нежелательным. Иными словами, категория вариативности в речи ведущих реализуется в этот период в рамках принятого литературного стандарта.

Таким образом, главная задача ведущего программы новостей в этот период состоит в том, чтобы преподнести текст новостей наиболее оптимальным образом. При этом продолжается начавшийся в 50-е годы процесс демократизации языка телевидения и радио, что нередко приводит к резкому столкновению мнений и телезрители разделяются на ревнителей чистоты RP и тех, кто выступает за либерализацию речи.

В конце 70-х годов начинается новый, **восьмой этап** в языковой истории корпорации (1977-1991), в котором статус RP как непрерываемого стандарта начинает меняться. Как известно, до середины 70-х годов XX века RP (во многом благодаря Би-Би-Си) воспринимается как тип произношения, свойственный компетентным, уверенным в себе, образованным людям. Он традиционно считается самым эстетически приемлемым из всех произносительных вариантов британского английского языка. Однако, по мнению британцев, в конце 70-х годов RP уже значительно уступает всем остальным типам произношения в искренности и убедительности звучания и часто воспринимается как недружелюбный или слишком отчужденный³². Ситуация осложняется тем, что RP всегда подчеркивает принадлежность человека к определенной социальной группе, выдает его статус, что оказывается неприемлемым для совре-

³¹ Там же. С. 53.

³² В связи с этим интересно отметить, что во многих американских фильмах того периода времени самые зловещие персонажи говорят на идеальном RP. См. *Trudgill P. Sociolinguistic Variation and Change*. Edinburgh University Press, 2001. Chapter 16.

менного британского общества. Неудивительно поэтому, что RP нередко начинает трактоваться скорее как недостаток, чем достоинство, и на некоторых телекомпаниях наличие «слишком правильного» произношения даже становится в это время поводом для отказа принять человека на работу на должность диктора³³.

Что касается Би-Би-Си, то трансформации в понятии стандартного произношения происходят постепенно. В рассматриваемый период в речи ведущих отмечается отход от консервативного варианта RP или BBC English (соотносимого с представителями элиты и старшего поколения), и более широкое распространение получает «общеанглийский» вариант (или “General RP”), ассоциирующийся со средними классами и общедоступными средними школами. Хотя на Би-Би-Си пытаются избегать следования капризной речевой моде и, по возможности, замедлять языковые изменения, в прямом эфире неизбежно увеличивается объем звучащей речи, отличающейся от RP, и на произносительном стандарте Би-Би-Си все более сказывается давление других произносительных типов.

Необходимо отметить в этой связи, что происходящие перемены затрагивают не только произношение, но и саму манеру подачи материала в эфир. Появляется новый «ситуативный» стиль ведения репортажа в выпусках новостей (topic-related style), для которого характерны «персонифицированная» раскованная речь, варьирующаяся в зависимости от темы. Возрастает удельный вес «диск-жокейского» стиля (“DJ style”), ориентированного на молодежь, появление которого который уже не ограничивается развлекательными передачами, а проникает и в информационные программы. Все это в значительной мере направлено на то, чтобы уменьшить дистанцию между телевидением с одной стороны и аудиторией с другой.

На современном этапе, который начинается в 1991 году с открытием мировой телевизионной службы Би-Би-Си, концепция общественного вещания «*информировать, обучать, развлекать*» пополняется еще двумя положениями: «*менять к лучшему, развивать*» (“Innovate and Enrich”). Идея заключается в том, чтобы не только представлять в новостях последнюю версию происходящего, но и искать новые способы подачи материала, которые позволяют облегчить и оптимизировать процесс восприятия. Современный *BBC English* уже не ограничивается рамками RP и представляет собой своеобразный сплав британского

³³ См. *Kerswill P.* Mobility, Meritocracy and Dialect Levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation // *British Studies in the New Millennium: Challenge of the Grass-roots.* Proceedings of the 3rd Tartu Conference on British Studies. Estonia, 2000.

стандарта, «Estuary English», американского варианта английского языка и других региональных типов произношения³⁴. Дикторы используют в своей речи разнообразные просодические вариации, меняют тембр голоса, придавая ему различные оттенки в зависимости от содержания сообщаемой информации или раздела программы. Передачи строятся таким образом, чтобы каждый слушатель чувствовал себя так, словно он является частью большой аудитории единомышленников как в масштабе своей страны, так и всего мира. При этом основной упор на Би-Би-Си делается на то, чтобы, оставаясь авторитетным и беспристрастным источником информации о происходящих в мире событиях, апеллировать не только к разуму, но и к чувствам телезрителей, заставлять их думать, , апеллировать не только к разуму, но и к чувствам телезрителей, заставлять их думать, анализировать и сопереживать.

Проиллюстрируем сказанное отрывком из телевизионных новостей Би-Би-Си, который отличается особым тембром, создающимся за счет варьирования основных голосовых характеристик и способствующим реализации риторической направленности высказывания.

In Britain the British Home Secretary David Blunkett is urging Britain's ethnic minorities to develop a greater sense of belonging to the United Kingdom and to accept certain norms of behavior. His call has come ahead of the release of the government report after riots in the cities of Burnley, Bradford and Oldham with their large South-Asian populations. The disturbances that happened this week made clear: prejudice on the both sides of the racial divide is deeply seated and must be confronted. Part of the government's answer is that those, coming to Britain, their children and grandchildren should learn to speak English.

Сразу же обращает на себя внимание специфическое выделение целого ряда ударных слогов в ключевых словах высказывания посредством восходяще-нисходящего тона, что сопровождается некоторым замедлением темпа и повышенной интенсивностью их произнесения.: *In Britain, David Blunkett, ethnic minorities, greater sense, certain norms*. Такое частое использование этого тона в пределах одного предложения в целом является нетипичным для интеллективного общения в британском варианте английского языка и выводит данное высказывание за рамки сугубо нейтрального, семиологически-релевантного или серьезного тембра 1. Также необычным является дополнительное выделение предлога *in* в словосочетании *In Britain* и вспомогательного глагола *is* в

³⁴ См., например, определение BBC English в Longman Dictionary of English Language and Culture, 2000.

is urging. Отметим, что частое использование восходяще-нисходящего тона и усиленное произнесение предлогов и вспомогательных глаголов, обычно безударных в стандартном литературном произношении, считается одним из основных признаков просодии Estuary English, отличающим этот произносительный вариант от RP. Также наше внимание в данном случае привлекло произнесение слова *South-Asian*, которое явно выходит за рамки британского стандарта. Ведущий избирает американский вариант, с заменой сильного щелевого [ʃ] на слабый [ʒ].

Весь комплекс просодических средств, используемый ведущим, своеобразная «полифония» произносительных вариантов в его речи, создает особый тембр, который оказывает желаемое психологическое воздействие на слушателя, независимо от его этнической принадлежности и позволяет не только облегчить восприятие тех телезрителей, которые сами являются представителями национальных меньшинств и, возможно, испытывают сложности с английским языком, но и зафиксировать в их сознании официальную точку зрения на этот счет и ненавязчиво подвести их к необходимости принять ее.

Таким образом, исследование современной речи дикторов Би-Би-Си, как и краткий экскурс в ее языковую историю, свидетельствуют о том, что появление новых приемов и способов подачи материала в эфир, вариативность просодических средств, разнообразие произносительных вариантов в речи ведущих оказываются неизменно направлены на установление максимально тесного контакта с аудиторией и подтверждают риторическую направленность перемен, происходящих с *BBC English*.

Л и т е р а т у р а

1. Брус Л. Диктор телевидения / Пер. с англ. В. Ткаченко. М.: Искусство, 1973.
2. Магидова И.М., Долецкая Е.С. Прагмалингвистика и проблема выразительности научной речи // Теория и практика изучения современного английского языка / Под ред. О.В. Александровой, С.Г. Тер-Минасовой. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985.
3. Миндрул О.С. Тембр II в функциональном освещении: на материале современного английского языка: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1980.
4. Орлов Г.А. Современная английская речь: Учеб. пособие для вузов по спец. «Англ. яз. и лит-ра». М.: Высш. шк., 1991.
5. Akhmanova O.S. The Prosody of Speech. Moscow, 1973.
6. Bliss E., Patterson J. Writing News For Broadcast. New York, Columbia University Press, 1978.
7. Briggs A. The History of Broadcasting in the United Kingdom. Vol. I-V – Oxford, New York, Oxford University Press, 1995.
8. Broadcast English: Recommendations to announcers regarding certain words of doubtful pronunciation. London, The British Broadcasting Corporation, 1931.

9. *Kerswill P.* Mobility, Meritocracy and Dialect Levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation // *British Studies in the New Millennium: Challenge of the Grass-roots*. Proceedings of the 3rd Tartu Conference on British Studies. Estonia, 2000.
10. *Longman Dictionary of English Language and Culture*, 2000.
11. *Seymour-Ure C.* *The British Press and Broadcasting since 1945*. Blackwell Publishers, Oxford UK, Cambridge USA, 1992.
12. *Schlesinger Ph.* *Putting Reality Together*. Methuen, London and New York, 1987.
13. *Trudgill P.* *Sociolinguistic Variation and Change*. Edinburgh University Press, 2001.

Об иллокутивных разновидностях чешской просьбы¹

© кандидат филологических наук А.И. Изотов, 2004

На последующих страницах мы будем рассматривать социально значимые разновидности побуждения, маркированные по признаку «индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия» (родовое понятие – *просьба*). Речь идет о таких побудительных высказываниях, как чешские *prosba, zaklinadlo, zapřísahání, domluva, přetlouvání, žádost, požadavek, naučení* и русские *просьба, мольба, убеждение, уговаривание, упрашивание, увещевание, заклинание, требование, наставление, поучение*.

Поскольку императивность в узком смысле основывается на авторитарной позиции Говорящего, на том, что одной его воли вполне достаточно для того, чтобы исполнение каузируемого действия стало для Исполнителя обязательно, обоснование побуждения может рассматриваться как «снижение императивности», ср.: «обоснование — это универсальная когнитивная процедура, приводящая к онтологизации некоторого знания, т. е. к введению знания в модель мира адресата. В данном случае обоснование приводит к тому, что некоторое знание, лежащее в основе побуждения, получает объективный статус и воспринимается адресатом как реальное, объективное знание. Иными словами, суть обоснования императива сводится к перенесению причин оснований побуждения из сферы более субъективного в сферу менее субъективного» [Баранов 1988: 16].

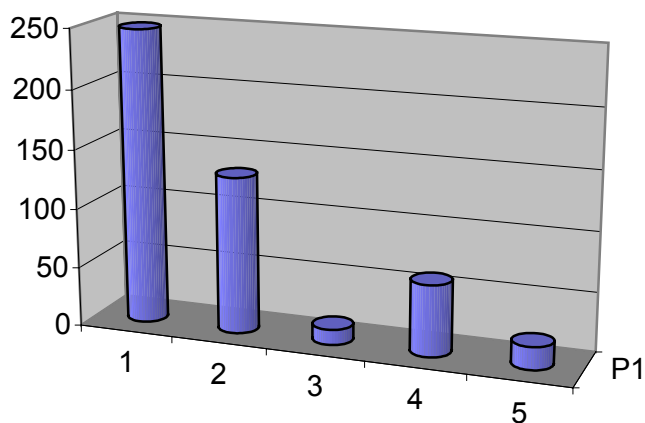
Prosba — просьба

Просьбу мы склонны рассматривать в качестве основного подтипа группы подтипов побуждения, маркированных по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*. Анализирующий русские императивные высказывания Л. А. Бирюлин постулирует для *просьбы* следующие коммуникативно-прагматические условия: (а) как правило, просьба характеризуется фактитивной каузацией действия, (б) просьба обычно исходит от того лица, чей социальный статус выше, либо используется в ситуациях, где субординативные отношения отсутствуют: в обоих случаях тот, кто просит, не вправе навязывать тому, у кого просят, определенное поведение, а обращается за добро-

¹ Автор признателен сотрудникам Института Чешского национального корпуса при философском факультете Карлова университета в Праге за любезно предоставленную возможность пользоваться собранным ими и хранящимся в компьютерном виде фактическим материалом, в частности, подкорпусом SYN2000 (около ста миллионов словоформ), представляющим основные функциональные стили современного чешского литературного языка, см. <http://ucnk.ff.cuni.cz/>

вольным сотрудничеством, (в) стоящий выше в социальной иерархии также может высказать просьбу, если то, что он просит совершить стоящего ниже, не обусловлено соответствующей конвенцией, и поэтому он не может в такой ситуации прибегать к своей власти; если же такое действие конвенционально, то подобная просьба является демагогичной и должна восприниматься как приказ, (г) просьба может высказываться как в институциональной, так и в межличностной социальной ситуации, (д) просьба допускает возможность отказа, (е) излагая просьбу, Говорящий, как правило, стремится изложить ее причины и мотивы, с тем чтобы убедить Слушающего в том, что у него имеются достаточные варианты для просьбы или насущная потребность в ней; изложение мотивировки просьбы преследует цель возложить на слушающего обязательство выполнить, а не отвергнуть ее, (ж) в случае невыполнения просьбы Говорящий не имеет права применять санкции в отношении Слушающего, (з) при просьбе исполнение каузируемого действия осуществляется в интересах Говорящего, (и) в императивном высказывании, выражающем просьбу, могут использоваться показатели вежливости, (к) смысловыми вариантами просьбы являются 'упрашивание', 'уговаривание', 'мольба' и 'заклинание', отличающиеся от просьбы степенью проявления желания Говорящего и используемые обычно в ситуации отказа (иногда предполагаемого) [Бирюлин 1992: 27].

В текстах SYN2000 в качестве *просьбы* охарактеризовано более половины (248 из 472) побудительных высказываний данной группы, снабженных авторской иллокутивной маркировкой, ср.:

- 1 — высказывания типа "*Přestaň, prosila.*" <doc S|NOV|1992|poirot11><s 001-p22s10>.
2. — высказывания типа "*Nechte ho, žádal Prokop.*" <doc S|NOV|1982|krakatit><s 001-p283s1>
3. — высказывания типа "*Prosím vás, pomozte mi, zapřísahal ji šeptem.*" <doc S|NOV|1997|doktorv><s 002-p602s3>
4. — высказывания типа "*Nerouhej se, domlouval mu Filip.*" <doc S|NOV|1992|lit><s 001-p656s1>
5. — высказывания типа "*Prosím, vezmi si ho, přemlouvala mě.*" <doc S|NOV|1996|klenot1><s 001-p283s2>

Domluva, přemlouvání — убеждение, уговаривание, упрашивание, увещание

Все данные побудительные интерпретации характеризуются, как мы считаем, прагматической пресуппозицией 'адресат противится выполнению действия', ср.:

<i>Mistr domlouvá sousrtníkovi: "Měl byste přidat v práci. Kamarád vedle vás dělá téměř dvakrát tolik!" / "Však už jsem tu za to vynadal" (Dikobraz)</i>	<i>'Мастер убеждает рабочего: «Вам надо работать лучше. Ваш друг рядом делает почти в два раза больше!» / «Да я его за это уже отругал!»'</i>
<i>To nemá smysl, domlouvaly jí sestry. <doc S NOV 1992 slunhod1><s 001- p118s1></i>	<i>'«Это не имеет смысла», — убе- ждали ее сестры.'</i>
<i>Nechte je, pane, domlouval mu kmet. <doc S NOV 1993 pec2><s 001-p435s1></i>	<i>'«Оставьте их, господин,» — убеждал его старейшина.'</i>

Многочисленное **убеждение** перерастает в **уговаривание** (чешск. **přemlouvání**), при этом пресуппозиция 'адресат противится выполнению действия' закономерно усиливается.

<i>Ale bujón už přece můžete, přemlou- vala ji oteklá pečovatelka a zvedla talíře. <doc S NOV 1991 kap><s 001-p351s2></i>	<i>'«Но бульон-то вы уже може- те», — уговаривала ее тучная сиделка, поднимая тарелки.'</i>
<i>Slib mi, že zůstaneš, přemlouvala mě. <doc S NOV 1996 klenot5><s 001-p541s1></i>	<i>'«Обещай, что останешься», — уговаривала она меня.'</i>

001-p541s4>

"Vždyt' ten astrolog dělá horoskopy Havlovi, tak bys mu snad mohl věřit," přemlouvala ho maminka. <doc S|PUB|1997|story97><s 565-p12s8> '«Ведь этот астролог составляет гороскопы самому Гавелу, так что ему ты можешь верить», — уговаривала его мама.'

Отрицательным вариантом *уговаривания* является *отговаривание*, ср.:

— Je to už jedno. Nechod', — '«Это уже все равно. Не ходи»,
rozmlouval jí Bláha (J. Procházka. — *отговаривал* ее Блага.'
Konec osamělého střelce)

Вариантом русского *убеждения* мы считаем *увещевание*, имеющее, по мнению некоторых исследователей, прагматическую презумпцию 'действие адресата не соответствует морально-этическим нормам' [Филатова 1997: 107]². Нам, однако, представляется, что речь идет не о презумпции, а о коннотации, наличие которой возможно, но не обязательно, ср.: «*Увещеваю вас, люди добрые и благочестивые, — не унимался жрец, — не верьте чародеям, не обращайтесь к ним за советами и с просьбами*» (Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта).

Русское *упрашивание* относится к *просьбе* так же, как *уговаривание* — к *убеждению*.

Рассматриваемые побудительные интерпретации в обоих сопоставляемых языках способны приобрести коннотацию 'действие совершается в интересах Исполнителя'³, ср.:

Žena *domlouvá* manželovi, který nechce svému synovi pomoci s domácí úlohou: "Oldřichu, pomáhej mi, dokud můžeš! Na podzim už půjde do čtvrté třídy". (Dikobraz) 'Жена *убеждает* мужа, который не хочет делать сыну домашнее задание: «Олдржих, помогай ему, пока можешь! Осенью он пойдет уже в четвертый класс.»'

"Je to příjemné a za pouhých tisíc" '«Это приятно и всего за тысячу

² Ср. приводимые там же примеры: Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго. Клещ. Знаю. (М. Горький); Чарнота. ...Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати! (М. Булгаков); Ты хоть бы о ребятах подумал, деятель! Ты думаешь, они тебя добром помянут, ежели ты их в колхозе оставишь... (В. Белов).

³ Что, безусловно, сближает *убеждение*, *увещевание*, *уговаривание* (равно как *domluva*, *přemlouvání*) с группой интерпретаций, условно обозначаемых как *совет* (чешск. *rada*).

rupii, " přemlouvaly ji .<doc S|NOV|1995|otcem><s 001-p1206s1> <s> *рупей», — уговаривали ее. ’*

Zaklinadlo, zapřísahání, мольба, заклинание

В качестве *мольбы* мы склонны рассматривать настойчивую просьбу с экспликацией униженной позиции говорящего, ср.: «*Я умоляю тебя, — жалобно попросила Маргарита, — не говори так*». (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

При этом может актуализироваться не объективность, а субъективность интересов Говорящего, мотивирующих *необходимость* осуществления каузируемого действия.

Мы склонны различать *заклинание*₁ (магическую процедуру) и *заклинание*₂ (побудительный речевой акт, близкий к *мольбе*). В чешской языковой картине мира *заклинанию*₁ соответствует *zaklinadlo*, а *заклинанию*₂ — *zapřísahání*, ср.:

Ukázal mu, jak je třeba se postavit do kouta světnice <...> a vyslovit polohlasem zaklinadlo: «Přijď, ďáble, přijď!» (J. Kopeš. Pražské pitavaly) *’Он показал ему, как надо встать в угол комнаты <...> и произнести вполголоса заклинание: «Явись, дьявол, явись!» ’*

Pročez zapřísaháme vás, abyste <...> vyzvali národ náš, aby se semkl v celonárodní jednotu na obranu vlasti. (K. Čapek. Továrna na absolutno) *’Поэтому мы заклинаем вас <...> призвать народ наш сомкнуться для защиты отечества. ’*

В случае с *заклинанием*₁ высокая степень мотивированности каузируемого действия обусловлена апелляцией Говорящего к неким силам, авторитет которых абсолютен для Исполнителя и даже для мироздания в целом. При этом предполагается, что Прескриптор обладает возможностью влиять на эти силы⁴. Таким образом, *заклинание*₁ сближается с «авторитарными» побудительными речевыми эктами.

Если же Говорящий реально не обладает этой возможностью (эта возможность не признается либо игнорируется адресатом побуждения), то данный речевой акт оказывается неуспешным, ср.:

⁴ Независимо от того, верим ли мы в существование колдовства и заклинаний в нашем реальном мире, или нет, мы не можем отрицать их существования в нашей языковой картине мира, пусть даже это и относится к «вторичной действительности» — миру фольклора, художественной литературы, кинематографа, компьютерных игр и т. д.

— *Могуществом Высших Сфер, — простонала чародейка, собирая остатки сил и вода рукой в воздухе. — Водой, огнем, землей и воздухом заклинаю тебя. Заклинаю мыслью, сном и смертью, тем, что было, есть и что будет! Заклинаю тебя. Кто ты? Говори!*

<...>

— *Ты не можешь.*

(А. Сапковский. Крещение огнем / Перевод Е. П. Вайсброта)

Священник. *Я заклинаю вас святою кровью
Спасителя, распятого за нас:
Прервите пир чудовищный, когда
Желаете вы встретить в небесах
Утраченных возлюбленные души —
Ступайте по своим домам!*

Председатель. *Дома
У нас печальны — юность любит радость.*

<...>

Многие. *<...> пошел! пошел!*

(А. С. Пушкин. Пир во время чумы).

Вне мира волшебства **заклинание** близко к **мольбе** и характерно для патетически возвышенного способа выражения, ср.:

Опять, как когда-то зимой в Сиверской, Володя рвется уехать, но теперь его хватают, задерживают, Варя и Ася отнимают чемодан, Елена Федоровна умоляет чуть ли не со слезами: «Дети мои, заклинаю, что бы ни случилось в городе, в мире, вы должны оставаться друзьями. И ты, Володя, и ты, Павлик, и вы, дети, подайте друг другу руки немедленно...» (Ю. Грифонов. Старик).

За пределами патетически возвышенной сферы **заклинание**₂ неуместно, ср.:

— *Надежда Сергеевна, — стал диктовать профессор, а Пилипенко вырвал из блокнота лист и начал писать. — Надежда Сергеевна, — опять взмолился профессор, — заклинаю тебя небом...*

— *Ну, ерунда какая-то, — перестал писать Пилипенко. — При чем тут небо?*

— *Пиши, пиши, — сказал Максимыч. — Чем глупей, тем лучше.*
(В. М. Шукшин. Ночью в бойлерной).

Žádost, požadavek, требование

Русское **требование** мы рассматриваем как категорическое побуждение (этим оно отличается от **просьбы**) при отсутствии авторитарной позиции говорящего, а поэтому говорящий и не может быть уверен в том, будет ли каузируемое действие выполнено, или нет. Вслед за Ю. Д. Апресяном мы видим существенную особенность **требования** (в отличие от **приказа, запрета, позволения** и **просьбы**) в том, что говорящий убежден (в действительности или притворно), что он имеет право настаивать на том, чтобы адресат сделал то, что он, говорящий, хочет от него [Апресян 1969: 22].

Авторы [Mluvnice češtiny, 1987] не выделяют **требование** (*žádost*) в качестве самостоятельного подтипа побуждения, видимо, потому, что оно используется (наряду с каузативом *vůzva*) в качестве общеродового понятия (ср. *žádací výronědi* 'побудительные высказывания'). Кроме того, в чешской языковой картине мира различия между **требованием** и **просьбой** не столь очевидны, как в русской, ср.: «Просьба [prosba] и требование [žádost] весьма близки. Различия между ними обуславливаются прежде всего взаимной позицией партнеров. То, чего мы хотим достичь, мы формулируем как просьбу [prosba] тогда, когда наш партнер "стоит над нами" (например, в силу того, что мы уважаем его более высокое общественное положение, положение по службе, возраст, опыт и т. д.), либо наше желание, которое мы намереваемся осуществить, представляется нам несколько нескромным, или же мы хотим пробудить в партнере чувства нам благоприятные и т. п. Требование [žádost] осуществляется в ситуациях, которые характеризуются нейтральным отношением партнеров, которые могут друг друга и не знать, при этом говорящий уверен, что партнер исполнит (должен исполнить) притязания» [Müllerová 1979: 72]. Очень часто речь идет о побуждении, близком к русской **просьбе**, ср. некоторые примеры, содержащиеся в авторском комментарии к побудительному высказыванию персонажа глаголы *žádat* и *požádat*:

Paní Vanda jde nakupovat a žádá manžela: "Prosím tě, nemám drobné, vyměň mi dvacetikorunu za dvě stokoruny!" (Dikobraz)

'Пани Ванда собирается в магазин и просит мужа: «У меня нет мелочи, разменяй мне двадцатикроновую на две стокроновые!»'

Pan Vincenc žádá číšnici: "Jeden guláš a dobré slovo, prosím." (Dikobraz)

'Господин Винценц просит официантку: «Пожалуйста, один гуляш и доброе слово»'

— *Mně koňak, — požádala Inka.* ‘«Мне коньяк», — **попросила**
(J. Procházka. Hon na lišku) *Инка.*’

Как мы видим, в приведенных выше примерах как *žádost* характеризуется не категорическое побуждение. Нередко один и тот же побудительный речевой акт может быть охарактеризован и как *prosba*, и как *žádost*, ср.:

Poprosil je o souhlas, avšak konšelé se rozhněvali nad jeho opovázlivostí a žádost hned napoprvé zamítli. ‘Он **просил** разрешения, однако членов городского совета рассердила его дерзость и в **просьбе** было сразу же отказано.’
(Cibula V. O paláci Kinských)

Тем не менее обозначаемый каузативом *žádost* подтип побуждения может быть и категорическим, будучи выражен эксплицитной перформативной формулой, ср.:

Žádám, abyste pracoval svědomitě. *Я **требую**, чтобы вы относились к своей работе ответственно.*
(M. Kapek. A je to gól!)

Žádám náhradu škody. (Dikobraz) *Я **требую** возмещения убытков.*

Čtenáři se žádají, aby neodnášeli časopisy z čítárny! (пример из [Mluvnice češtiny 1987: 343]) *Читателей **просят**⁵ не выносить журналы из читального зала.*

О том обстоятельстве, что в языковом сознании носителя чешского языка *žádost* обозначает семантическую интерпретацию побуждения, отличную и от *приказа*, и от *просьбы*, достаточно красноречиво, на наш взгляд, свидетельствует и реплика героя романа В. Эрбена, разбуженного следователем среди ночи и услышавшего, что к восьми утра его ожидают в другом городе:

Je to prosba, nebo žádost, nebo rozkaz? *Это **просьба, требование или приказ?***
(V. Erben. Poklad byzantského kupce)

Однозначно категоричным является подтип побуждения, который также соотносим с русским *требованием* и обозначается как *požadavek*. По мнению О. Мюллеровой, этот подтип побуждения «в большинстве случаев конкретен и точно обозначен. Его исполнение бывает условием для успешной реализации чего-либо. Из-за своей оп-

⁵ В современном русском речупотреблении в составе эксплицитных перформативных высказываний типа *Прошу покинуть зал, Просьба освободить вагоны* данная лексема выражает не *просьбу*, а *требование* [Булгыгина, Шмелев 1997: 290].

ределенности и настоятельности оно бывает близко к коммуникативным функциям <...> указания, приказа» [Müllerová 1979: 72]. В качестве примера исследовательница приводит реплику *Mami ty mi neprovídej!* 'Мама, не подсказывай ему!' в ситуации игры родителей с детьми.

Naučení, наставление, поучение

Несколько особняком в данной группе побудительных речевых актов стоит *naučení* — *наставление (поучение)*⁶, которое может быть охарактеризовано как побудительный речевой акт, посредством которого каузируется действие (последовательность действий), выполнение которого представляется Говорящему необходимым по соображениям морально-этического порядка. При этом «существенным для данного речевого акта является характер Д: это не одноразовое, обусловленное именно данной ситуацией действие или поведение, а рассчитанное на перспективу. Речевое действие Г представляет собой “инструкцию” для А поступать определенным образом в подобных ситуациях или всегда поступать подобным образом» [Филатова 1997: 106]. Говорящий считает себя вправе направлять действия Исполнителя либо в силу своего более высокого социально-нравственного статуса⁷, либо если он апеллирует к некоему достаточно высокому моральному авторитету — к пословицам, поговоркам, крылатым выражениям и т. п., ср. чешск. *Co tam, to tam (pro to si hlavu nelam), Darovanému koni na zuby nehled', Dočkej času jako husa klasu, Co můžeš udělat dnes, neodkládej na zítřek, Ševče, drž se svého kopyta, Moudrému napověz, hloupému dolož, Na chytrého mrkni, hloupého trkni, Neříkej hop, dokud nepřeskočíš, Nejásej předčasně, Dvakrát měř, jednou řež, Pospíchej pomalu, Nechval dne před večerem*; русск. *Пришла беда — отворяй ворота, Не выноси сор из избы, Честное дело делай смело, Терпи, казак, атаманом будешь, Не бойся собаки брехливой — бойся молчаливой, Куй железо, пока горячо, Коси коса, пока роса, Не зная броду, не суйся в воду, Хочешь есть калачи, так не лежи на печи, Заварил кашу, сам ее и расхлебывай, Взятся за гуж, не говори, что не дюж, Назвался груздем — полезай в кузов, Не рой другому яму — сам в нес попадешь, Всяк сверчок знай свой шесток, Умному подкажи — а дураку в рот положи, Не говори «гон», пока не перепрыг-*

⁶ Так данный подтип побуждения обозначен в [Проропчик 1955: 11], [Немешайлова 1961: 15].

⁷ Любой побудительный акт имеет прагматическую презумпцию 'коммуниканты осведомлены о взаимных правах и обязанностях' [Любимов 1984: 9].

*нешь, Семь раз **отмерь**, один раз **отрежь**, Не сули журавля в небе, а дай синицу в руки, Хвали день по вечеру*⁸.

Литература

- Апресян Ю. Д.* Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики // Известия АН СССР, Серия литературы и языка. Т. XXVIII, 1969. № 1. – С. 11-23.
- Баранов А. Н.* Императив и вежливость // Императив в разноструктурных языках: Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность». – Л.: АН СССР, 1988. – С. 16-17.
- Бирюлин Л. А.* Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: Автореф. дисс... доктора филол. наук. СПб., 1992. – 41 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
- Любимов А. О.* Средства выражения побуждения в современном португальском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1988. – 20 с.
- Немешайлова А. В.* Повелительное наклонение в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пенза, 1961. – 27 с.
- Прокончик А. В.* Структура и значение побудительных предложений в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1955. – 16 с.
- Филатова Е. А.* Побудительные высказывания как речевые акты в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 253 с.
- 100 ilustrovaných přísloví. Praha: Česká expedice, 1993. – 131 s.
- Mluvnice češtiny. – Praha: Academia, 1987. D. III. – 748 s.
- Müllerová O.* Komunikativní složky výstavby dialogického textu. – Praha, 1979. – 161 s.

⁸ Показательно, что в источнике приведенных примеров [100 ilustrovaných přísloví 1993], содержащем функционально соотносительные пословицы и поговорки в различных европейских языках, русские пословицы заметно чаще оказываются оформленными императивной конструкцией, чем пословицы чешские.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

К вопросу о формировании коммуникативной компетенции (на материале пособия Л.Н. Булгаковой, И.В. Захаренко, В.В. Красных «Мои друзья падежи: Грамматика в диалогах»)

*© Л.Н. Булгакова, И.В. Захаренко,
доктор филологических наук В.В. Красных, 2004*

В наши дни многие статьи начинаются с уже ставшего привычным утверждения о новой научной парадигме, сложившейся к началу XXI века. Причем об этом говорят уже не только исследователи гуманитарии, но и представители точных, или, как их часто называют, фундаментальных наук: физики, химии, математики. Так, в одной из передач А. Гордона из уст исследователя сугубо физического мира прозвучал тезис о том, что XX век был веком high tech, а XXI век станет веком high homo. Новую парадигму характеризуют две основные тенденции: антропоцентризм, восходящий еще к античным временам, когда человек воспринимается как мерило всего, и антропостремительные тенденции, предполагающие изучение окружающего мира, в центре которого стоит человек. И если в первом случае окружающий мир изучается сквозь призму человека, то во втором – человек сквозь призму того, что его окружает.

Совершенно очевидно, что практика преподавания, в том числе иностранных языков, и в частности – русского как иностранного, не может оставаться в стороне и не вписываться в эту новую парадигму. Именно этим и обусловлены, например, утверждения многих преподавателей-практиков (и не только русистов) о том, что учить надо не столько языку и речи, сколько дискурсу.

Дискурс предстает как продукт речевой деятельности человека говорящего во всей совокупности факторов, обуславливающих его (продукта) порождение. По мнению Н.Д. Арутюновой, дискурс есть речь, погруженная в жизнь. Л.О. Чернейко перефразировала это определение и сформулировала его так: дискурс – жизнь, погруженная в речь. Таким образом, говоря о дискурсе нельзя не учитывать (в том числе) ситуации общения (кто кому где когда что говорит) и субъектов коммуни-

кации (носителей лингвокультурного сознания, выступающих одновременно и как субъект языка, и как субъект культуры). Мы исходим из постулата о том, что дискурс и коммуникация тесно связаны между собой, одно невозможно без другого. Сегодня, думается, ни у кого не вызывает сомнения то, что адекватное общение с носителями изучаемого языка невозможно, если не сформирована коммуникативная компетенция, которая, по мнению И.В. Михалкиной, предстает как «конгломерирующий» тип компетенции, т. е. включает в себя все другие типы и виды компетенции.

В современных пособиях проблема формирования коммуникативной компетенции решается по-разному. Один из возможных путей представлен в нашем пособии «Мои друзья падежи: Грамматика в диалогах» (первое издание вышло в свет в 2002 году). Создавая пособие, мы видели его основную цель в коррекции и закреплении знаний предложно-падежной системы русского языка, что отражено и в самом названии пособия.

Однако знаний собственно грамматической системы, как показывает опыт, бывает явно недостаточно для адекватного общения на изучаемом языке. Многим преподавателям (и не только преподавателям) знакома ситуация, когда иностранец говорит по-русски грамматически и лексически правильно, но при этом имеет место коммуникативная неудача. Это та ситуация, когда единственное, что может сказать преподаватель: «Это правильно, но это не по-русски».

С другой стороны, наши учащиеся часто жалуются, что совершенно не понимают смысл фразы, хотя «знают все слова». Это связано в первую очередь с тем, что кодифицированный русский язык и русская разговорная речь, как уже давно было доказано исследователями, по сути две самостоятельные системы (см. работы, например, Е.А. Земской, О.А. Лаптевой и др.). Русская же литературная речь, на которой говорят образованные русские и которой следует обучать иностранцев, если мы хотим, чтобы они могли адекватно общаться с русскими, занимает, так сказать, «промежуточное» положение между данными «вселенными»: она, будучи литературной «от природы», впитала в себя многие черты собственно разговорной речи (инверсию, парцелляцию, эллипсис, активное использование катафор и анафор и т. д. и т. п.).

Что же происходит? Почему хорошо владеющий русским языком инофон, читающий в оригинале русскую литературу, свободно говорящий и пишущий по-русски, во-первых, тут же определяется русскими как «не русский» и, во-вторых, не понимает половины из того, что ему говорят его же знакомые в неофициальной обстановке, не выходя при

этом из «речевого стандарта»? Думаем, что проблема как раз в том, что иностранный учащийся владеет именно литературным языком, но не литературной разговорной речью. Большинство учебников и учебных пособий, в том числе и очень хороших, зачастую грешат излишней литературностью языка, которому они призваны научить. В связи с этим еще одну свою задачу при создании нашего пособия мы видели в том, чтобы научить инофона общаться с русскими, понимая, что они говорят, и адекватно реагируя на их реплики. Ну, в самом деле, как может иностранный учащийся без посторонней помощи понять, что значит одно из излюбленных выражений русских «да нет»? «Ты устал?» – «Да нет.» Так все-таки «да» или «нет»? Или: «Ну, как тебе фильм?» – «Ничего. / Так себе.» Здесь не понятно все: и вопрос, и ответ. Что значит – «ничего»? Ничего не понял? Ничего не видел? Второй вариант ответа вообще остается «тайной за семью печатями».

Кроме того, очевидные трудности испытывает инофон и тогда, когда он сталкивается с косвенными речевыми актами, поскольку не всегда легко понимает дополнительные модусные смыслы или, наоборот, видит их там, где их нет. Например, «*Неужели Вы не знаете этого?*» и «*Разве ты не знал об этом?!*» зачастую воспринимаются иностранными учащимися как собственно вопросы, т. к. они не распознают в этих фразах выражения удивления или констатации некоторого факта (вторая фраза может выступать как синоним высказываний «*Ты же знал об этом! / Ведь ты знал об этом!*»).

Чтобы помочь учащемуся по возможности избежать таких коммуникативных сбоев и провалов, мы попытались отобрать наиболее типичные коммуникативные ситуации и частотные коммуникативные фрагменты русского дискурса, что обусловило и отбор соответствующих лексических и синтаксических единиц. Многие задания насыщены языковыми единицами, которые постоянно воспроизводятся в речи носителей русского языка в условиях естественной коммуникации. Таким образом, пособие содержит материал, позволяющий учащемуся не только закрепить знания русской предложно-падежной системы, но и освоить употребление речевых формул, характерных для современной русской литературной разговорной речи. В качестве иллюстрации приведем некоторые реплики из заданий-диалогов: «– *Кто этот человек? – Ты что, не знаешь? Это декан факультета. / Это диктор телевидения.*» и под.; «– *Представляешь, у нас сломался лифт. – Ужасно! Как же вы живете без лифта?*»; «– *Ты нашел ключ? – Да, в конце концов, нашел. – И где же он был? – Представь себе, под столом / под шкафом.*» и под.; «*Прочитай обязательно [эту книгу]. Не пожалей.*»;

«– Ты тоже опоздал? – **Ничего подобного!**»; «– Ну что, не очень сложный текст? – **Да нет.** В нем было три незнакомых слова.»; «– **Кажется, пришли.** – Нет, нам нужен не этот дом. – **Как не этот?**»; «– Ты куда? – На тренировку. – **Разве ты не знаешь, что тренировки сегодня не будет?**» и др.

Чтобы облегчить процесс вживания в русскую коммуникацию, мы также использовали идеи современной когнитивной науки, в частности – теорию фреймов. Тем более что фреймовый подход к обучению РКИ разрабатывается и в последнее время успешно применяется на практике А.Н. Латышевой, ее учениками и единомышленниками (см., например, А.Н. Латышева, Р.П. Юшкина, Г.А. Тюрина «*Базовый курс русского языка: грамматика, разговорная речь, тексты с упражнениями*». М.: Русский учебный центр, 2003). Поскольку фреймы по сути своей – это некие когнитивные модели, то, во-первых, определенная их часть носит (гипотетически) универсальный характер¹, т. е. они присущи всем homo sapiens (например, спортивные игры² типа футбола, тенниса, хоккея, театр, семья), во-вторых, даже при наличии каких-то принципиальных различий, которые обуславливают и различия в конкретных сценариях, овладение языковым материалом проходит легче, если он подается не как, например, «списки слов», а как единицы (знаки языка), в которых тот или иной фрейм овнешняется.

Отметим, что фреймы могут иметь разные овнешнения с точки зрения как грамматики, так и лексики, поэтому один и тот же фрейм нередко присутствует в пособии в разделах, посвященных разным падежам. Например, фрейм, который можно условно назвать «покупка», проходит в Предложном падеже (покупать *где?*), в Винительном падеже (покупать *что?*), в Дательном падеже (покупать *кому?*), в Родительном (покупать *сколько?*). Или пространственные отношения и идея перемещения могут реализоваться, например, в фрейме с условным названием «поездка», при этом поездка может быть в отпуск, на каникулы, в командировку, в гости и т. д. Формы, овнешняющие указанный фрейм, отрабатываются, соответственно, в Винительном, Родительном, Пред-

¹ Хотя, конечно, мы понимаем, что практически для любого правила можно найти исключение, особенно если речь идет о человеке. Поэтому особо подчеркнем, что в данном случае мы не рассматриваем какие-либо маргинальные случаи или случаи сугубо национальной специфики, резко отличающей данную культуру от многих других (как, например, национальный японский театр, конечно, разительно отличается от театра, зародившегося в Европе).

² В свое время Г.А. Тюрина защитила под научным руководством А.Н. Латышевой кандидатскую диссертацию, посвященную использованию фреймового подхода в преподавании РКИ, и рассмотрела его на примере именно спортивной сферы.

ложном, Творительном и Дательном падежах (ехать куда? откуда? на чем? чем? к кому? путешествовать по чему?). Отметим, что фреймы вводятся на основе концентрической подачи материала, т. е. идет постепенное наращение слотов, например: во фрейме «встреча (встретить, встретиться)» можно выделить слоты: *кто, где, кого, когда, с кем; назначить встречу / договориться о встрече; перенести встречу; отметить встречу* и т. д. Очевидно, что данное наращение непосредственно соотносится с собственно грамматическим и лексическим материалом.

Мы постарались использовать идею фреймовой подачи материала также и внутри упражнений. Большая часть упражнений построена в форме диалогов и снабжена кассами. Материал в кассах предназначен для построения диалога по заданной модели. В основе каждого диалога лежит коммуникативная ситуация. Касса содержит набор языковых единиц, которые отражают основные элементы структуры данной коммуникативной ситуации и представлены в самой кассе в виде цепочки. В качестве примера приведем несколько наших упражнений:

А: Давай подарим ему эту рубашку. Я думаю, она ему понравится.

Б: Да, и она подойдет к его серому костюму.

она – туфли – зеленое платье
 брат – шарф – новая куртка
 Лида – сумка – бежевое пальто
 Сережа – свитер – голубые глаза
 Зоя Ивановна – шаль – рыжие волосы
 отец – перчатки – коричневый плащ
 он – галстук – все рубашки и т. д.

А: Вокзал далеко отсюда?

Б: **В десяти минутах.**

А: Пешком?

Б: (Нет.) **На трамвае.**

3 мин. – автобус
2 мин. – машина
5 мин. – пешком
15 мин. – метро
20 мин. – троллейбус
35 мин. – электричка

Возможно, у некоторых преподавателей такая непривычная и на первый взгляд несколько схематичная подача материала может вызвать недоумение, и даже неприятие. Однако, как нам кажется, она отображает ту цель, которую мы ставили перед собой, создавая пособие: формирование коммуникативной компетенции, предполагающее «вживание» в русский дискурс.

Пособие содержит также условно-речевые задания, некоторые из которых носят игровой характер. В этих заданиях учащимся предлагается некая коммуникативная ситуация, в которой им необходимо принять участие, выступая в роли одного из собеседников. Таким образом, у

инофона создается ощущение (пусть и иллюзорное), что он участвует в естественной живой коммуникации на русском языке, что способствует снятию языкового и психологического барьеров. В дальнейшем это поможет ему в осуществлении адекватного общения в условиях реальной коммуникации.

Совершенно очевидно, что формирование коммуникативной компетенции является комплексной задачей. В связи с этим мы считали важным также и формирование некоторых аспектов культурологического компонента коммуникативной компетенции. Именно поэтому мы включали в задания материал, представляющий собой фрагмент этнического (в нашем случае – русского) «информационного поля»: те знания, которые являются, на наш взгляд, обязательными для представителей русского национально-лингво-культурного сообщества (как минимум – его образованной части). Следует отметить, что в число такого рода «единиц знаний» входит не только то, что изначально относится к России, но и то, что является реалиями других культур (например, названия известных музеев или театров, имена выдающихся деятелей истории, культуры и науки). Включение такого рода единиц в задания мы считаем оправданным и целесообразным, поскольку они, несомненно, относятся к числу феноменов, хорошо известных образованным носителям русского языка, а часть из них вообще входит в русскую когнитивную базу. Таким образом, корпус указанных единиц составляют:

- различные географические названия: названия стран, регионов, городов, улиц, площадей, морей, рек, озер, гор, островов и полуостровов и т.д.;
- названия театров, музеев, галерей, архитектурных памятников;
- имена писателей, композиторов, актеров, режиссеров, певцов, художников, ученых;
- названия литературных и музыкальных произведений, фильмов и т. д.;
- названия периодических изданий, наиболее популярных телепередач и т. д.;
- названия и даты национальных праздников и исторических событий;
- названия блюд (как национальной русской кухни, так и тех, которые пришли в Россию из других стран и стали у нас популярными).

Как показывает наш опыт работы в иноязычной аудитории, упражнения, включающие подобные «единицы знаний», обычно вызывают большой интерес у учащихся. В частности, это связано с тем, что такой

материал не только несет информационную нагрузку, но и служит стимулом для активизации фреймов, провоцируя дискуссии, предполагающие сравнение ситуаций в разных странах, выражение оценки, отношения и т. п. Кстати, преподаватели зачастую сталкиваются с тем, что инофонам оказываются неизвестными факты, персонажи и реалии истории и культуры не только России (бывает, что познания ограничиваются 2-3 именами), но и многих других стран.

Конечно, справедливости ради, нужно сказать, что далеко не все русские легко справились бы с некоторыми заданиями (очевидно, что в данном случае речь не идет о грамматике). И вероятно, кому-то может показаться, что мы завысили планку, включая ту или иную информацию. Однако, отбирая и подбирая материал для пособия, мы все-таки имели в виду уровень знаний действительно образованного носителя русского лингво-культурного сознания. Чтобы предотвратить возможные возражения коллег, сразу скажем следующее: ведь когда мы учим русскому языку, мы не ориентируемся на язык улицы, мы не обучаем жаргонам, арго и просторечию. Напротив, мы обучаем пусть разговорной, но литературной речи. И сегодня это уже не вызывает у преподавателей-профессионалов сомнений и принципиального несогласия. Соответственно, вводя тот или иной материал из сферы истории, географии, политики, культуры, мы руководствовались теми же принципами.

Таким образом, преподаватель должен быть готов ответить на многие вопросы не только лингвистического характера, но и на те, которые касаются русской и мировой истории, культуры и т. д., выступая в роли того самого «эталона» – образованного носителя русского лингво-культурного сознания.

В заключение отметим, что мы представили только один из возможных путей обучения дискурсу, дающий инофону возможность войти не только в мир русского языка, но и в мир русской культуры, которая впитала в себя многое из культуры мировой.

Европейский преподаватель в Южной Корее: наблюдения и выводы

© кандидат филологических наук Ю.А. Туманова, 2004

В 2002 году правительство Южной Кореи приняло решение увеличить количество иностранных преподавателей в стране на 20%. В первую очередь, это решение касается преподавателей математики, физики, химии, биологии и других естественных дисциплин. Во вторую очередь, это решение открывает некоторые перспективы и для преподавателей иностранных языков, желающих поработать в этой стране. В последние годы корейцы всё чаще выезжают за рубеж, чтобы получить там высшее образование. Может быть, они с этой целью посетят и ваш город.

В связи с этим возникает вопрос: каков он, корейский учащийся?

Первые корейцы из Южной Кореи появились у нас в Московском университете в 1991 году после установления дипломатических отношений между Россией и Республикой Корея. Первый поток, первая волна корейских учащихся по своему составу была очень неоднородной. Были единицы с хорошей подготовкой, которые успешно потом закончили нашу аспирантуру за 2-2,5 года. Были учащиеся, владевшие общелитературным языком на уровне, который мы называем средне-слабым и которые совсем не знали научного стиля речи. Они хотели учиться в магистратуре, но не могли сдать вступительного теста, и мы организовали для них годичную предмагистратуру. Были люди с очень плохой фонетикой и слабым знанием общелитературного языка. Они шли у нас в основном в стажеры. Приехавшие корейцы стремились унифицироваться и не выделяться из общей массы иностранцев. Их национальные особенности слабо проявлялись.

По нашим тогдашним наблюдениям основные трудности работы с ними сводились к тому, что было тяжело, почти невозможно поправить неправильно сформированные навыки произношения русских звуков. Их произношение плохо поддавалось улучшению. Легче было с теми, кто был «от нуля». Тем быстро ставили нормальные русские звуки, тем более, что у русского и корейского языков есть больше общего в фонетической системе, чем у русского и китайского или у русского и японского. Похоже звучат, например, русские и корейские [o], [y], [a], [э], [ы], [йэ], [йо], [йу], [йа].

На уроках по разговорной практике они явно не хотели высказывать свои точки зрения, вступать в дискуссии. Не любили того, что мы называем ролевыми играми; выглядели пассивными.

Любили жаловаться в иностранный отдел на преподавателей, на состав группы, на плохие условия в общежитии и под.

И вот через 10 лет, то есть в 2000 г., я поехала работать в г. Сеул, в Сеульский государственный университет и смогла познакомиться с корейскими учащимися, так сказать, изнутри, на их территории, у них дома и изучить особенности преподавания русского языка в этой стране. Я буду рассказывать о ситуации в Сеульском государственном университете, но она похожа на ситуации в других корейских университетах, так как страна небольшая, а тенденция к унификации сильная. Русские коллеги работают во многих городах Южной Кореи, и мы имели возможность встречаться там на различных конференциях и обмениваться информацией. В университет приходят бывшие школьники, поэтому я начну со школы. В Корее есть школы с усиленным преподаванием иностранных языков. Самым популярным языком является английский язык. Затем идут китайский и японский языки. В последнее время почему-то очень популярным стал испанский язык. В школу с испанским языком трудно попасть, там большой конкурс. Трудно попасть и на испанское отделение в университете. Французский, немецкий и русский нельзя отнести к языкам, пользующимся всеобщим интересом. Сейчас в таких специализированных школах есть, хотя и не везде, русские преподаватели, поэтому выпускники этих школ неплохо подготовлены, и в университете они выделяются своими знаниями среди других учащихся.

Чуть-чуть хочу сказать об образовании в Корее вообще, вернее, об отношении к образованию. Это важно для понимания проблемы мотивации при обучении. Высшее образование в Корее – это наивысший фетиш. Так сложилось исторически. В старину мужчина из любого сословия, кроме крестьян, мог сдать государственный экзамен и стать чиновником. Это сулило продвижение вверх по социальной лестнице и материальную обеспеченность. Интеллектуальный труд всегда ценился здесь намного выше физического. И сегодня родители идут на большие жертвы лишь бы обеспечить детям университетское образование в престижных вузах страны. Папы всеми силами зарабатывают деньги. Если денег не хватает, то родители могут продать дом или яблоневый сад. Жилье и земля – это самое дорогое, что есть в Корее, где 70% территории занято горами. Мамы – почти сплошь чеховские душечки. Целыми днями они просиживают под дверями тех курсов, где ребенок дополни-

тельно, помимо школьной программы, занимается или иностранными языками, или музыкой, или танцами и под. В стране очень развито репетиторство, хотя государство с ним борется, стремясь всем детям обеспечить приблизительно равные возможности при обучении. После удачного поступления и окончания престижного университета дети имеют возможность найти работу в богатых, известных всему миру фирмах таких, как Samsung, LG, Daewoo, SK Telekom и под. Но чтобы попасть в университет, надо хорошо сдать общенациональный экзамен по предметам школьной программы. В тот год, когда ребенок сдает выпускной экзамен, двери корейского дома закрыты и для родственников и для знакомых, чтобы ничто не отвлекало чадо от учебы. Экзамен сдают одновременно по всей стране в один день. В этот день даже самолеты реже летают, чтобы не мешать учащимся. Высокий балл выпускного экзамена открывает дорогу в престижный университет. Максимальное количество баллов, которое можно набрать, – 200, но это практически невозможно сделать. Высоким баллом считается 170. Он открывает путь в престижные университеты. Учебный год в Корее начинается весной, поэтому поступление в университет происходит зимой. Зима в Корее – это пора самоубийств, потому что неудача на экзамене – это, во-первых, конец карьеры в самом её начале, а во-вторых, это невыполнение морального долга перед семьей, то есть нарушение конфуцианского принципа сыновней почтительности. Дело в том, что философские идеи китайского ученого Конфуция (551-479 гг. до н. э.) получили широкое распространение в Корее и стали там национальной религией, победившей в 7-ом веке буддизм. На конфуцианских принципах сформировалось не одно поколение корейцев, так что можно сказать, что эти идеи вошли в их плоть и кровь. И сегодня в своей повседневной жизни корейцы руководствуются конфуцианской моралью, хотя посещают буддийские, протестантские или католические храмы.

Из всего выше сказанного следует, что проблема мотивации при обучении корейцев в школе, практически, не стоит.

Вот типичная история. «Дочь встаёт каждый день в 4 часа 30 минут и сразу включает магнитофон с учебной кассетой по английскому языку. В это время мама уже в гараже – заводит машину, чтобы везти дочь к престижному преподавателю. Пока девочка занимается с ним до 7 часов утра, мама сидит в машине и ждёт, когда можно будет отвезти её в школу. С 8 утра она ненадолго освобождается, едет домой, готовит обед и к 2 часам дня возвращается за дочерью в школу, чтобы быстро накормить и отвезти на дополнительные занятия в частный институт

(хагвон). Приходят обе домой поздно вечером, чтобы на следующее утро опять встать в 4.30» [Симбирцева 2000: 41].

Вывод: корейские учащиеся ещё со школы привыкли к перегрузкам, и, следовательно, им не страшны большие домашние задания. А все мы, преподаватели, знаем, что без кропотливой самостоятельной работы иностранный язык сам собою в голову не войдёт.

И ещё несколько слов о корейской школе. Там очень рано прививают детям полезные для обучения привычки. Например, дети любят хором повторять за учителем; любят списывать целые страницы каким-нибудь одним словом, чтобы подключить к запоминанию «память руки» – так их учат иностранным языкам; любят писать сочинения, где довольно откровенно рассказывают о себе (молодое поколение не стесняется, их девиз: «Мы такие, какие есть»). В школе они в течение 6 лет ведут «Дневник», где день за днём описывают события своей школьной жизни. Эту практику ведения дневника можно продолжить при обучении любому иностранному языку.

Есть ещё одна привычка у корейских школьников – привычка к тестам и выбору из 4-х готовых ответов. Тесты и компьютер так же, как и у нас в России, не способствуют развитию речи школьников. Уровень владения родным корейским языком понижается. Кроме того, дети любят играть в компьютерные игры. Часто они это делают по ночам и не спят до 2-х часов ночи. Зато потом спят на уроках или в транспорте. Дети сами признаются, что часто не понимают речи учителя, а в их собственных сочинениях отсутствует логичность изложения. Родной язык они усваивают с помощью пересказа и диктантов. Никаких правил им не сообщают. Сочетаемость слов не оговаривается, то есть в их учебниках нет указаний, какое слово к какому контексту подходит. Просто даются эталонные тексты для моделирования. Следовательно, обучая корейцев иностранному языку, надо обязательно, с первых шагов, обращать их внимание на стилистическую окраску слов.

Престиж учителя, преподавателя в стране очень высок. С древних времён учителя уважают и почитают как Бога. Много веков назад вместе с конфуцианской идеологией эти любовь и уважение были заложены в головы корейцев и по традиции сохраняются и по сей день. В старину главная задача учителя состояла в том, чтобы ученик научился читать и понимать китайские иероглифы для того, чтобы потом он мог самостоятельно комментировать и толковать китайские философско-религиозные книги. Кроме того, учились красиво кисточкой писать китайские иероглифы. Экзамен по каллиграфии длился 2 часа, в течение которых претендент на государственную должность должен был напи-

сать по-китайски сочинение на заданную тему. Кстати, и сегодня Конфуцианская академия проводит этот экзамен ради поддержания традиции, которой более 500 лет. Зрители с удовольствием смотрят и оценивают искусство писать тушью китайские иероглифы. Таким образом, обучение было длительным, могло продолжаться, например, 15 лет. Опорой всегда был письменный текст. Учитель говорил – ученик слушал и запоминал.

И сегодня преподаватель университета, придя на лекцию, раскрывает книгу, например, на с. 30 и читает лекцию по книге до с. 50. Это же будет домашним заданием. На экзамене будут спрашивать только то, что было зачитано в аудитории.

Наши русские студенты, которые приехали в Корею изучать корейский язык, поначалу были шокированы этим способом ведения лекции. Потом привыкли, потом нашли в этом прелесть. Дело в том, что для правильного чтения корейских букв надо держать в голове минимум 30 правил, так как произношение одной и той же буквы – разное в зависимости от позиции в двухэтажном слоге. Кроме того, в корейских научных текстах много китайских слов, написанных иероглифами, которые по-корейски читаются не так, как по-китайски. Это тоже надо услышать и запомнить. Исходя из вышесказанного, следует понять, что на первые уроки в корейскую аудиторию следует идти обязательно с книгой. Читать только книгу. Не давать ничего, кроме того, что в книге. Они не привыкли списывать с доски. Они не привыкли записывать в тетрадь то, что говорит преподаватель, так как думают, что все это они потом найдут в книге. На уроках они не слушают друг друга, не слушают преподавателя, когда он объясняет ошибки другого учащегося, и тут же повторяют их. Надо требовать: «Запишите!» или «Посмотрите все вместе, какая здесь возможна ошибка!». Они не умеют работать парами. Не любят диалога с учителем. Наши профессиональные игры с распределением ролей, наши уроки фонетики с поднятием карточек с нарисованными на них буквами «П»/«Б» при обучении фонематическому слуху и прочее – все это для них просто цирк и диковина, если не дикость. Все это надо вводить постепенно и поэтапно, опираясь на метод сознательного обучения. Не стоит на первых порах требовать, чтобы они сформулировали свое собственное мнение о чем-то. Психологически они к этому не готовы, так как в школе с учителем и текстом никогда не дискутируют, ему внимают, его (текст) толкуют.

В классах по 30-40 человек. Многочисленные репетиторы, на которых не скупятся родители, проходят с ними дома ту же школьную программу, поэтому на уроках многим просто скучно, так как они этот

материал уже знают. Но в школах царит жесточайшая дисциплина. Учитель имеет право бить ученика по рукам линейкой, ставить его надолго с вытянутыми вперед руками, которые нельзя опускать, или ставить ученика на колени. Корейцы говорят, что такие порядки их школа унаследовала от японской школы. Японцы были оккупантами в этой стране 35 лет (с 1910 по 1945 гг.). Сам директор может стоять в дверях школы, проверяя длину волос как у мальчиков, так и у девочек. Длина должна быть стандартной.

Стоит предупредить молодого преподавателя: не думайте, что Вы, и в самом деле, Бог! Не думайте, что, чтобы вы не сделали на уроке, всё будет понято правильно и проглочено беспрекословно, как лекарство, данное врачом. Есть обратная сторона медали. Корейцы очень любят жаловаться. Они будут жаловаться на то, о чём вы даже не можете предположить и чего они никогда не скажут вам прямо в глаза. Американские учителя, работающие в школах, говорят, что корейские родители жалуются иногда директору школы как раз на то, что хвалят в глаза, когда разговаривают с учителем.

И ещё один совет. Если у вас плохая память на имена, если вам трудно запомнить корейские имена ваших учащихся, то смело давайте им новые имена в соответствии с изучаемым языком – русские, или немецкие, или французские и т.п. Здесь корейцы не обидятся. Это не американцы, у которых в крови подозрение: а не покушается ли кто на их личность?

Помню однажды в Москве в общезитии я беседовала с восьмилетним сыном американского стажёра. Я спросила его: «Как тебя зовут?» Он сказал: «Майкл». «Ага, – сказала я, – значит, ты Миша?» «Нет, – сказал он и нахмурился, – я Майкл». «Так, значит, ты не хочешь быть Мишей?» – подзадорила я его. «Не хочу», – чуть не плача, сердито проворчал он.

У корейцев всё иначе. Раньше у них для каждого нового периода жизни требовалось новое имя. Родился ребёнок – ему родители дают имя. При выборе имени они учитывают год, месяц, дату и час рождения, а также степень родства ребёнка с предком-основателем рода. От этого предка к имени ребёнка обязательно будет добавлен один слог, он передаётся из поколения в поколение. Но ребёнок не может быть назван ни именем родителей, ни именем предка. Раньше при достижении совершеннолетия или замужества имя менялось (сейчас эта традиция вышла из употребления), но при уходе в монахи имя обязательно меняется. Очень популярны были в старину псевдонимы. Ими и сейчас пользуются. Псевдоним (а в нашем понимании, скорее, прозвище) могут давать

тебе другие люди, учитывая твою судьбу, твои цели в жизни, или место, где ты живёшь. Например, человеку, который живёт в горах, могут дать имя Белое облако. Но человек и сам тоже может избрать себе псевдоним и не один, например, выдающийся корейский лингвист имел псевдоним «Большой источник».

Другой известный учёный 19-ого века – Ким Джонхи – имел за свою жизнь 503 псевдонима и все они имели смысловую нагрузку: когда он был в ссылке, его звали «Старая чайка»; когда он жил у воды – «Павильон у моря»; для шутки из-за какого-то случая он назвал себя «Старец, евший лапшу». Особенно часто меняли своё имя короли. Например, самый известный корейский король, который дал своему народу простой и короткий алфавит (25 букв) взамен трудных китайских иероглифов, при рождении был назван – То, при совершеннолетию – Вонджон (Высшая справедливость), от подданных он получил имя Чхуннён-Тэгун (Великий князь преданности и спокойствия), кроме того, у него было несколько посмертных имён – Чанхон (Суровый закон), Ённын (Цветочная могила – по названию гробницы), Седжон (имя, с которым он вошёл в корейскую историю; оно записано на поминальной табличке, хранящейся в храме, в родовом алтаре; оно же показывает, что он передал трон сыну (-джон), а не внуку (-джо), как другой король – Седжо).

Но самое интересное, что с давних времён в Корее сложилось негласное, но незыблемое правило этикета: любой ценой избегать употребления личных имён. Даже корейская грамматика требует обращения к собеседнику в 3-ем лице. Нельзя сказать: «Как вы, Чо Сон, правильно заметили...», а надо: «Как вы, коллега, правильно заметили...».

Поэтому иностранное имя, данное в новых жизненных обстоятельствах и заменяющее личное имя, благопристойно и этично звучит для корейцев.

Но если вы их на уроке будете называть по их корейским именам, то они поймут это как надо и не обидятся.

После поступления в университет дети, как правило, расслабляются. Все знают, что рано или поздно университет они закончат и диплом получат. Мотивация обучения резко падает. Студенческие годы – единственная отдушина, беззаботное время, когда можно погулять и себя показать. Тут и самодеятельные театры, и различные фестивали, и спортивные игры, и музыкальные группы, и даже выпивка. Раньше, говорят, гуляли больше, почти не занимались. Теперь ситуация меняется. Конкуренция стала сильнее. Свободных мест в фирмах стало меньше. Фирмы стали обращать внимание не только на диплом, но и на оценки, поэтому

теперь с 1-го курса надо следить за своими баллами. Раньше девушки учились только для того, чтобы соответствовать будущему мужу, чтобы быть образованными и найти мужа-интеллектуала. Теперь же фирмы охотно берут девушек на работу. Девушки стали социально активнее, думают о собственной карьере. Замуж выходят и детей рожают поздно, годам к 30-35.

Кто же идет на русское отделение? Идут, во-первых, те, кто не смог набрать нужного количества баллов, чтобы учиться на отделениях английского или китайского языков. Во-вторых, те, кто (как сейчас говорят) «запал» на русскую культуру, кто хочет знать лучше русскую литературу, искусство и т. д. В-третьих, это люди, которые сознательно по какой-то причине сделали свой выбор в пользу русского языка и которых не волнует бизнес, потому что товарооборот у Кореи с Китаем – \$ 30 млрд., а с Россией – только 3 млрд. в год. И этим все сказано. Лучшие студенты идут на китайское отделение. Русский язык сегодня корейцы учат для души, чтобы смотреть наши фильмы, спектакли, чтобы лучше понимать нашу литературу или музыку и под.

Приехав работать в Сеульский университет, я в 1-м семестре получила четыре группы: студентов 1, 2 и 3 курсов и аспирантов. Со всеми я должна была заниматься только разговорной практикой. На 1-м году обучения было 4 часа в неделю, на 2-м – 2 часа в неделю, на третьем – 4 часа в неделю и с аспирантами 3 часа в неделю. Всего 13 часов в неделю, причем те, кто пришел на 1-й курс, были начинающими, но не от «0», то есть они уже знали алфавит и умели читать, но не умели говорить. Студентов от «0» я получила только на следующий год. На занятия элементарным русским имеют право ходить не только студенты русского отделения, но и студенты других гуманитарных факультетов, например, музыкального, медицинского, географического и под. Первые две недели студенты имеют право ходить по разным группам, делая свой выбор. Списки групп окончательно составляются только 2 недели спустя. Учащиеся имеют право по собственному усмотрению выбирать те или иные дисциплины в каждом семестре. Бывает, что студент прослушает конец курса лекций во 2-м семестре, а потом на следующий год будет слушать начало этого курса вместе со студентами 1-го года обучения. Не зная этого, я в первом семестре в начальных группах уделила больше внимания фонетике, думая, что во 2-м семестре мы будем больше заниматься разговорной практикой, но во 2-м семестре состав группы обновился почти на 90%, и это меня шокировало, пришлось перестраиваться.

Очень тяжело преподавателю, когда в погоне за высокими баллами в начинающую группу записываются третьекурсники или даже четверокурсники. Первокурсники перед ними робеют. Если разница между корейцами хотя бы 1 год, они уже не могут быть друзьями. Друзьями могут быть только погодки. Над ними довлеет неписанный моральный конфуцианский принцип, который усвоен с детства: необходимость подчинения младшего старшему, необходимость соблюдения субординации. Корейские учащиеся кажутся нам пассивными на уроке потому, что в их традиционной системе образования активность никогда не поощрялась. Внутри корейца сидит боязнь прослыть выскочкой. В Корее воспитанный человек говорит только тогда, когда учитель его спрашивает. Сейчас ситуация меняется, в университетских группах появляются лидеры, которые активны на уроках и «забывают» других, воспитанных и молчаливых. И это опять плохо, потому что лидерами становятся третьекурсники или четверокурсники, записавшиеся в группу 1-го года обучения.

Другая трудность в том, что их много, до 30 человек. И галерка, как правило, сидит тихо, но ничего не делает. В такой ситуации приходится постоянно быть на ногах, ходить между рядами, вызывать усевшихся подальше к доске и т. д.

Помимо разговорной практики, которую обычно ведет русский преподаватель, сами корейцы ведут следующие занятия:

1. Элементарный русский язык для всех желающих, то есть для учащихся разных факультетов – 8 час./нед.
2. Русский язык для начинающих (это – курс после элементарного русского) – 4 час./нед.
3. Разговорная практика для начинающих – 2 час./нед.
4. Русский язык для среднего уровня – 8 час./нед.
5. Русский язык для продвинутого этапа – 4 час./нед.
6. Русский язык на материале публицистики (этот курс адресован всем желающим) – 4 час./нед.
7. Чтение русской прозы – 2,5 час./нед.
8. Теория русского языка – 4 час./нед.
9. История русского языка – 2 час./нед.
10. Старославянский язык для аспирантов – 2 час./нед.

Аспиранты неохотно записываются на занятия по русскому языку, так как для защиты диссертации он им не нужен, защита идет на корейском языке и сама работа пишется на корейском языке. Они предпочитают приходить на консультации, если чего-то не понимают в тех текстах, которые им рекомендуют научные руководители. Большинство

аспирантов – литературоведы, лингвистов среди них – единицы. Как правило, аспиранты много читают на русском языке и читают сложные тексты, но не говорят и плохо аудируют.

И студенты, и аспиранты любят консультироваться с преподавателями путём письменного общения через электронную почту. Таким образом, компьютер активно участвует в учебном процессе. Насколько мне известно (может быть, это не повсеместно) преподаватель обязан бесплатно отвечать на вопросы учащихся, заданные по электронной почте.

О своих баллах, полученных на экзаменах, студенты и аспиранты также узнают через компьютер.

Поскольку я вела разговорную практику, то я могу здесь поделиться тем, какие разговорные темы хорошо идут или могут идти в корейской аудитории.

Петербургские преподаватели совместно с корейскими коллегами составили частотный словарь русского языка для учащихся (к сожалению, он пока не издан). При составлении словаря выяснились интересные особенности, отличающие русских и корейских студентов.

Для русских студентов, например, самой частотной темой в разговорах является тема «Семья и близкие им люди», а также связанная с этой темой тема «Родного дома», затем идет тема «Институт или университет», затем – «Город», а потом – «Природа». Для корейских студентов все несколько по-другому. На первом месте у них стоит тема «Университет», затем – «Семья», потом – «Природа», а на последнем – «Город».

Для корейских учащихся университет – это, поистине, родной дом. Обычно студенты живут далеко от университета. Они встают рано и едут сначала на автобусе, потом на метро, потом опять на автобусе. Везде много народу, поэтому они очень устают и не торопятся обратно. С утра и до позднего вечера они в университете. Библиотеки работают и ночью. Территория университета обжита ими во всех отношениях. Во-первых, внутри учебных корпусов не хватает учебных аудиторий, потому что множество комнат отведено для самостоятельной подготовки учащихся. Здесь диваны для отдыха, столы для работы, компьютеры для учебы и т. д. Около комнат в коридорах находятся автоматы, продающие прохладительные напитки, а также сейфы, где можно хранить свои книги, спортивные костюмы и т. д. Столовые работают допоздна так же, как и продовольственные магазины. При магазинах в открытом доступе находятся микроволновые печи, где студенты могут подогреть полуфабрикаты. На территории университета здесь и там разбросаны разноцветные тенты над автомобильными платформами, на которых жарят,

варят, пекут и тут же продают традиционные корейские блюда. Все это делают сами студенты в дни многочисленных фестивалей. Деньги от продажи идут для каких-то студенческих объединений, которые без конца проводят митинги и манифестации. Объявлениями и транспарантами увешены все здания. Стены переходов, столбы, деревья и даже ступени лестниц обклеены рекламой. На территории университета обязательно есть банк, аптека, амбулатория, помещение для театра, иногда музей. Студенты любят ставить спектакли, петь хором, играть на традиционных корейских барабанах. Репетируют обычно в поле рядом с университетом или на ступенях лестниц, ведущих от корпуса к корпусу. Часов в 16-17 в разных местах раздаются песни. Голоса удивительно красивые. У большинства корейцев абсолютный слух.

Могут петь и «Интернационал». Болезнь левачества не обошла их стороной. Студенты любят быть в оппозиции к власти: к правительству, к администрации, к ректору. Они охотно поддерживают забастовки. Например, при мне бастовали уборщицы университетских помещений и мусорщики, поддерживающие в порядке территорию университета. Они требовали повышения заработной платы. Мусор накапливался катастрофически быстро: и в аудиториях, и в коридорах, и возле учебных корпусов. Но студенты не роптали, они были солидарны с бастующими, и сами, как могли, поддерживали порядок до конца забастовки.

В перерывах между занятиями студенты любят полежать на скамейках в беседках или, встав в кружок, тренировать ноги, передавая друг другу по воздуху, как футбольный мяч, пакет из-под молока объёмом в 250 г. Иногда прыгают через верёвку. Любят есть вместе на траве национальные блюда, которые заказывают по мобильным телефонам. Развозят такую еду в металлических ящиках молодые люди на мотороллерах или мотоциклах, которые с ревом носятся по территории университета.

Корейский учащийся постоянно находится в коллективе. В стране развита групповая дружба: друзья-одноклассники, друзья-студенты из одной группы или одного года выпуска, друзья-коллеги по кафедре и т. д. Дружат так: юноша с юношей, девушка с девушкой. Это следствие раздельного обучения в школе. Молодые люди и девушки плохо понимают психологию друг друга, особь другого пола для них – загадка. Это – в массе, но, конечно, как и везде, есть любовные парочки.

Друзья для корейца – это его основной капитал в жизни, его опора. В идеале, район, где ты живешь, школа, где ты учишься, должны быть высокого качества, так как люди, с которыми ты общаешься, – соседи по дому, товарищи по классу – это те люди, на которых ты можешь

опереться, они тебе во всем помогут. Даже если ты с кем-то встретился всего один раз, то это – как бы судьба, это не случайно, это тянется за тобой по жизни, как шлейф. Этот человек всегда будет рассчитывать на твою помощь, а ты можешь рассчитывать на него, на его поддержку. Приглашая друзей в ресторан, кореец накрывает отдельные столы для друзей по школе, по университету, по футбольному клубу, по учебе за границей и т. д.

Если преподаватель хочет, чтобы его группа была дружной, то он должен работать в этом направлении, то есть сплачивать группу, беседуя о психологии мужчин и женщин, проводить совместные походы на природу, ставить спектакли и под. Опирается здесь можно на девушек. И вот, почему. Мальчик в семье – это обычно человек привилегированный, а девочка – это ребёнок второго сорта (ведь раньше женщины (в массе своей) не учились и жили на женской половине дома, занимаясь исключительно домашним хозяйством). Девочки привыкли смотреть на своих братьев как на существ высшего порядка, которым надо служить, поэтому на уроках девушка с удовольствием подскажет юноше, если он не знает правильного ответа, и во всех других делах она поможет ему, не считая это за труд.

Очень сплачивает группу с преподавателем совместная еда. В Сеульском университете профессор, по крайней мере, один раз в месяц обедает с группой именно для сплочения коллектива. В современной Корее еда – это настоящий культ, а обед – нечто вроде платёжного средства за любую услугу. Корейцы с детства привыкли к блюдам с острым красным перцем или с острым соевым соусом. Беседа о национальной кухне обязательно должна быть в репертуаре преподавателя, ведущего разговорную практику в аудитории.

И еще кое-что о темах для бесед. Наши русские учебники с их текстами о филармонии, художественных выставках и балете ориентированы все-таки на русский менталитет. Типичный корейский студент мало знаком со всеми этими видами искусств, кроме кино. Кино американское, японское и европейское они знают и любят. Часто ходят в кинотеатры.

Еще одна тема, на которую с успехом можно говорить в корейской аудитории, – это молодежная мода.

Студенческая, молодежная мода в Корее – это нечто. Это надо видеть в Корее, потому что в России или в Европе корейцы стараются унифицироваться с европейцами и не выделяться. Но у себя на родине они изощряются вовсю. Юноши (через одного) красят волосы во все цвета радуги. Девушки от них отстают: красят только некоторые пряди

волос или все волосы, но в более спокойные тона, избегая ярко морковного или зеленого цвета. Чем ниже интеллект, тем экстравагантнее одеты молодые люди. В метро, например, можно видеть юношей и девушек, чья обувь напоминает лыжи, потому что она на несколько размеров больше и сваливается с ног. За спиной у студента обычно висит рюкзак, и на нем или множество значков, или несколько подвесок в виде мягких зверушек, куколок и под. В руках должен быть мобильный телефон также с привеском-брелком. Во всем этом сквозит что-то инфантильное, будто в детстве не доиграли. Кстати, многие студенты просто на ходу засыпают, потому что ночью (до часу, до двух) они любят играть в компьютерные игры.

Понять желание молодого корейца выделиться из толпы можно, если знать, что ни в чем другом ему выделяться нельзя, запрещено конфуцианской моралью, которая требует «не высовываться». «По высунувшемуся гвоздю – бьют» гласит восточная мудрость, поэтому лучше быть «как все». И только мода – это единственная отдушина, где можно быть «не как все», где можно проколоть в нескольких местах уши, а также губы или даже язык, повесив какое-нибудь колечко.

Период, когда можно так покрасоваться, очень короток: некоторое время после школы до армии или пока учишься в университете, то есть до работы в фирме. А там строжайшая дисциплина.

Итак, на уроках по разговорной практике в корейской аудитории желательны беседы на следующие темы: 1. «О себе» или «Я такой, какой я есть»; 2. «Университет»; 3. «Семья»; 4. «Мой дом»; 5. «Природа»; 6. «Город»; 7. «Мои друзья»; 8. «Психология мужчин и женщин»; 9. «Национальная еда»; 10. «Кино»; и, наконец, 11. «Молодежная мода».

В заключение надо сказать, что корейцы испытывают исключительное почтение к престижному Сеульскому государственному университету, который в иерархии университетов занимает первое место. Второе место делят университеты Корё и Ёнсе. К третьей категории относятся многочисленные частные университеты типа Хангук, Чунъан, Анянг и др. Но при этом обучение в Сеульском государственном университете приблизительно в три раза дешевле, чем в частном, за счет государственных дотаций. Тот, кто попал в Сеульский университет, обеспечил себе жизненный успех.

Литература

1. *Башкеева В.* Уроки Кореи // Сеульский вестник (газета). № 52, 53, 54, 2000-2001.
2. *Габрусенко Т.* О еде и не только о ней... // Сеульский вестник (газета). № 53, 2001.

3. *Габрусенко Т.* Как учатся южнокорейские студенты // Сеульский вестник (газета). № 57, 2001.
4. Корея. Справочник, Сеул, Корейская служба информации для зарубежных стран, 1993.
5. Корея. Карманная энциклопедия, М.: Муравей-Гайд, 2000.
6. *Ланьков А.Н.* Корея. Будни и праздники. М., 2001.
7. *Симбирцева Т.М.* Корея на перекрестке эпох. М.: Муравей-Гайд, 2000.
8. *Туманова Ю.А., Попова Е.В.* Корейские учащиеся глазами русских преподавателей // Слово, грамматика, речь. Вып. 4. Москва, 2002.

Праздник поэзии как форма функционирования классической литературы среди иностранных учащихся

© Л.Н. Нечаева, 2004

Часть 1. Лирическое стихотворение как эстетический объект и основа сценария праздника

Основной целью культурно-страноведческой работы на кафедре русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ является повышение языковой и коммуникативной компетенции учащихся. Очень важным нам представляется литературно-художественный аспект этой деятельности, осуществляемой на семинарах, практических занятиях и вне аудитории (на экскурсиях, концертах, музыкальных спектаклях).

Праздник поэзии, песни и романса – это особый вид работы с учащимися, требующий серьёзной подготовки и большого количества участников. Однако важность этого мероприятия и отличие от других занятий не только в этом. «Празднество всегда имело существенное и глубокое смысловое, мирозерцательное содержание. Никакое «упражнение» в организации и усовершенствовании общественно-трудового процесса, никакая «игра в труд» и никакой отдых или передышка сами по себе никогда не могут стать праздничными. Чтобы они стали праздничными, к ним должно присоединить что-то из иной сферы бытия, из сферы духовно-идеологической. Они должны получить санкцию не из мира средств и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов» [Бахтин 1986: 299]. Классическая лирическая поэзия обращена к идеальному, высокому и прекрасному, что не исключает иронии и изображения противоречивости жизни. Главное в лирике – это воплощение идей, концепций, эмоций, ценностей и идеалов. Поэтому лирические стихотворения и близкие к ним своей сутью песни и романсы являются основой сценария праздника.

В данной работе мы не ставим цели подробно описать драматургию праздника. Отметим только, что здесь могут присутствовать разные виды и роды искусства: лирические стихотворения, инсценированные рассказы, отрывки из пьес, песни, романсы, музыкальные произведения, а также отрывки из статей, эссе, высказывания ведущего. Вечер (или утренник) проходит по определённому сценарию, однако не исключает-

ся момент импровизации, напротив, она желательна и всегда присутствует, создавая непринуждённую атмосферу данного события.

Наши иностранные учащиеся (инофоны) – представители гуманитарных профессий. Многие из них интересуются литературой. На практических занятиях, семинарах, экскурсиях они знакомятся с произведениями русской литературы, с биографиями их авторов и с другими явлениями русской культуры. Некоторые учащиеся ещё до обучения в МГУ читали произведения русских писателей, знали стихи русских поэтов наизусть. Они и становятся часто активными участниками семинара «Клуб русского языка» и выступают на праздниках поэзии.

Приёмы работы с художественным текстом в иностранной аудитории, когнитивные стратегии, используемые на таких занятиях, подробно изложены в монографии Н.В. Кулибиной «Зачем, что и как читать на уроке», где речь идет об особенностях восприятия художественного текста, о его познавательной и коммуникативной особенностях. Вопросы аудирования, звучащего текста там не рассматриваются. В данной статье мы остановимся на отличительных особенностях занятий, которые называются праздниками поэзии, они проходят 1-3 раза в год, но являются единственными в своём роде и очень важными, так как на них осуществляется эстетическая деятельность учащихся, в то время как на других занятиях – преимущественно познавательная.

На практических занятиях и семинарах при анализе текста мы имеем дело с «внешним материальным произведением» (М.М. Бахтин), называемым иногда артефактом, используем в основном логические методы исследования, которые не исключают первичного чувственного восприятия. Однако сами произведения при этом не всегда звучат. Но поэзия создается для восприятия слухом. И фонетическая сторона в стихотворной речи играет существенную роль в формировании художественного образа. «Поэзия рождается из слова, через слова, в словах, из слов. Из услышанной музыки их звуков, смыслов, звукослов» [Вейдле 2001: 27]. С учащимися иностранцами, выступающими на празднике, должен быть проведён необходимый лингвистический и литературоведческий анализ текста, но на самом празднике и на репетициях мы имеем дело уже с художественной деятельностью, а точнее, самодеятельностью. На обычных занятиях литература существует как читаемое «односоставное искусство» (В.Е. Хализев), а на празднике в «качестве неопределимого компонента синтетических искусств» (он же), так как здесь художественное произведение интерпретируется исполнителями-чтецами и исполнителями-певцами и выступает в другом аспекте, т. е. как эстетический объект. «Эстетическим объектом» М.М. Бахтин называет

«содержание эстетической деятельности (созерцания), направленной на произведение» [Бахтин 1986: 36].

Далее приводятся замечания, сделанные учёным относительно того, «как осуществляется содержание в художественном творчестве и созерцании»:

«1) Должно строго различать познавательный-этический момент, действительно являющийся содержанием... и те этические оценки, которые можно построить и высказать по поводу содержания, но которые в эстетический момент не входят.

2) Содержание не может быть чисто познавательным, совершенно лишённым этического момента; более того, можно сказать, что этическому принадлежит существенный примат в содержании...

3) Этическим моментом содержания художественное творчество и созерцание овладевает непосредственно путём сопереживания или вчувствования и сооценки, но отнюдь не путём теоретического понимания и истолкования, которое может быть лишь средством для вчувствования...

Теоретическая транскрипция, формула этического поступка есть уже перевод его в познавательный план, то есть момент вторичный, между тем как художественная форма – например, форма, осуществляемая рассказом о поступке, или форма его эпической героизации в поэме, или форма лирического воплощения и т. п. – имеет дело с самим поступком в его первичной этической природе, овладевая ею путём сопереживания волящему, чувствующему и действующему сознанию, вторично же познавательный момент может иметь лишь подсобное значение средства» [Бахтин 1986: 55-56]. В этих замечаниях учёного мы можем увидеть отличие анализа художественного текста, проводимого на уроке, от содержания эстетической деятельности учащегося на празднике. По мнению М.М. Бахтина, этический момент содержания художественного произведения можно передать «путём методически продуманного полустетического пересказа», хотя при этом «вчувствование» ослабевает и бледнеет. Мы иногда пользуемся этим приёмом на семинаре и на празднике, чтобы сделать стихотворение более понятным для иностранцев. Познавательный момент содержания проявляется в том, что «всё узнаётся», но не всё можно осознать в соответствующих понятиях.

Основными трудностями при восприятии лирического стихотворения инофонами является недостаточное знание языка и невосприимчивость к поэзии. Те учащиеся, которые обладают такой восприимчивостью, понимают гораздо больше, особенно помогает опыт занятий поэзией на родном или иностранном языке. В этом случае при рецепции

стихотворения включаются психопозитические стратегии, освоенные учащимися ранее. Говоря о лирическом переживании, следует отметить, что «оно не столько обозначается словами (это случай частный) сколько с максимальной энергией выражается. В лирике (и только в ней) система художественных средств всецело подчиняется раскрытию цельного движения человеческой души» [Хализов 2002: 347]. «Лирическая эмоция – это своего рода сгусток, квинтэссенция душевного опыта человека» [там же]. Основные темы лирики разных народов в классической поэзии часто совпадают, чувства и переживания поэта могут быть понятны и близки многим людям. В поэтическом произведении «внетекстовые связи и отношения играют меньшую роль, чем в прозе» [Лотман 1996: 36]. В поэзии доминирует иррациональное начало, обогащающее личность. «Большая часть работы поэта происходит не в сознании, а в подсознании; в светлое поле сознания её выводит филолог» [Гаспаров 2001: 24]. Возможно, поэтому «небольшое по объёму стихотворение может вместить информацию, недоступную для толстых томов нехудожественного текста» [Лотман 1996: 46]. Чтобы передать содержание художественного произведения, исполнитель должен прежде всего обратиться к своему душевному опыту. Поскольку в искусстве, в отличие от логики, важно не только «что», но и «как», особое значение приобретает проблема материала и формы художественного произведения.

По мнению М.М. Бахтина, «эстетический объект есть оформленное содержание». «В форме я нахожу себя, свою продуктивную ценностно оформляющую активность, я живо чувствую своё создающее предмет движение, притом не только в первичном творчестве, не только при собственном исполнении, но и при созерцании художественного произведения: я должен пережить себя в известной степени творцом формы, чтобы вообще осуществить художественно-значимую форму как таковую» [Бахтин 1986: 75-76]. «Итак, форма есть выражение активного ценностного отношения автора-творца и воспринимающего (со-творящего форму) к содержанию» [там же: 77]. Таким образом, и автор, и исполнитель, и зритель именно формой показывают, как они относятся к содержанию, не прибегая к теоретическим рассуждениям. Здесь важно «вхождение автора – телесного, душевного и духовного человека – в объект; ясна не только нераздельность, но и неслиянность формы и содержания...» [там же: 89]. «Значение творящего внутреннего организма... максимально в лирике, где порождающее звук изнутри и чувствующее единство своего продуктивного напряжения тело вовлечено в форму...» [там же: 86].

Материалом поэзии как словесного художественного творчества является язык, словом выражается в стихотворении субъективно-активное отношение к содержанию. «Но поэзия технически использует лингвистический язык совершенно особым способом: язык нужен поэзии весь, всесторонне и во всех своих моментах, ни к какому нюансу лингвистического слова не остаётся равнодушной поэзия» [Бахтин 1986: 65]. В этом заключается сложность работы с поэтическим произведением у иностранцев, однако исполняемое произведение при рецепции может иметь ряд преимуществ по сравнению с читаемым, что особенно хорошо видно, если проанализировать, как личность исполнителя проявляется в материале-слове и какими сторонами языка должен овладеть исполнитель и зритель. Опираясь на эстетический анализ М.М. Бахтина, в слове как материале выделяем следующие моменты: 1) звук, музыкальность; 2) лексическое значение слова; 3) тропы, синтаксические связи; 4) интонацию; 5) «чувство активного порождения значащего звука». Особенно важным «управляющим моментом» является пятый момент, так как это «чувство порождения и смысла и оценки», которое «овладевает» интонацией, словесными связями, не оставляет без внимания и значение слова. Звук вбирает в себя все моменты [Бахтин 1986: 80-84]. Очень важна предварительная работа (лингвистическая и литературоведческая) с исполнителем, которая может проходить на семинаре или на практических занятиях. Однако преподаватель русского языка, ведущий практические занятия с иностранными учащимися гуманитарных факультетов, не может уделять много времени художественному тексту. Для этого существуют специальные семинары, в частности, творческий семинар «Клуб любителей русской поэзии», ранее он назывался «Клуб русского языка». Здесь учащиеся занимаются анализом стихотворений, слушают лекции-беседы и готовятся к выступлению на празднике поэзии. «Процесс восприятия художественного текста у разных учащихся в силу их индивидуальных особенностей, уровня подготовленности, читательского опыта и др. происходит различным образом: у одного в процессе восприятия сразу и слитно появляется образ-представление и понимание смысла прочитанного, другой должен последовательно проделать весь путь от установления собственно языкового значения единицы к осознанию её смысла и представлению в образной форме» [Кулибина 2001: 134]. Часто исполнители отрабатывают моменты, связанные с фонетикой, и вне аудитории, стараясь достигнуть максимально высокого результата. На репетициях перед праздником всё меняется: активизируется личность исполнителя, в большей мере включаются психопоэтические стратегии,

т. к. исполнителю необходимо произведение прочувствовать, вызвать в душе своей отклик, попытаться выразить то «невыразимое словом», что присутствует в произведении словесного художественного творчества.

Что может воспринять на празднике учащийся, недостаточно хорошо подготовленный по русскому языку, но знакомый с основами языка? Как уже отмечалось выше, наиболее «важным управляющим моментом» М.М. Бахтин считает пятый момент, который учёный называет ещё и «чувством словесной активности», сюда включаются жест, мимика, артикуляция, именуемые невербальными средствами. По мнению психологов, «межличностные коммуникации в основном осуществляются за счёт невербальных средств – параллельного, и часто более богатого языка общения, элементами которого являются не слова, а мимика и жестикуляция, пространственные и временные рамки, интонационные и темпоритмические характеристики речи, символические коммуникативные знаки» [Борисов 1998: 112]. В прошлом было принято думать, что большую часть информации мы получаем благодаря языку, что связано с традициями западной культуры, основанной на логическом мышлении и сознании, выражать которое адекватно может только лингвистическая модель, а не образы. В восточных культурах иная модель познания мира – неязыковая, основанная, в частности, «на философии дзена, позволяющей пережить глубокое восприятие мира и себя без помощи приёмов языка и формальной логики, уйти от слов к смыслу» [там же]. С помощью мимики можно передать малейшие нюансы настроения. «Мимические сигналы почти универсальны, они в меньшей степени зависят от культурных традиций, являясь всеобщим коммуникативным социальным языком» [там же: 115]. Мысли и эмоции человека можно читать по глазам и использовать глаза «как осознанный инструмент коммуникации» [там же: 116].

Следующим по важности средством, управляющим вхождением исполнителя и зрителя в материал-слово, М.М. Бахтин считает интонацию. Под интонацией понимается совокупность выразительно-значимых изменений звучания человеческого голоса. Физическими носителями интонации являются тембр и темп звучания речи, сила и высота звука. Письменный текст может нести след интонации, которая ощущается в знаках препинания, графическом расположении строк, синтаксисе высказывания (инверсии, повторы, риторические вопросы, восклицания, обращения). Смыслоразличительные возможности интонации проявляются в звучащей речи. «Выясняется, что информацию часто передают не столько слова, сколько то, как они сказаны» [Борисов 1998: 117]. Что же касается восприятия произведений искусства, то

«прежде чем воспринять смысл и ценность произведения, реципиент воспринимает его интонационно-эмоциональную сторону. Весь рецепционный процесс протекает на фоне и при катализирующем воздействии интонации. Реципиент испытывает её художественно-суггестивное воздействие» [Борев 1998: 213]. «Интонация несёт в себе и смысловую информацию, и ценностную ориентацию по отношению к художественно осваиваемому миру» [там же]. Таким образом, интонация частично передаёт нам содержание, в первую очередь, ценностный этический момент, который тесно связан с «моментом познавательного узнания» (М.М. Бахтин).

Далее обратимся к фонетическим и ритмическим началам. Речь идёт о звуковой стороне слова, музыкальности стиха, ритме, звукоизобразительных возможностях слова, т. е. звукоподражании и звукоимитации, которые в поэзии способствуют созданию того или иного настроения. Исследованию фоносемантики посвящены работы А.П. Журавлёва. Но фонетические средства языка необходимо рассматривать только как одну из составляющих, поскольку человек воспринимает их в единстве с другими средствами языка. Звуковая композиция стихотворения может образно передавать силу выраженного чувства. Звуковая образность и ритм вторят словесной образности. Порождается не просто звук, а значащий звук. Внутреннее движение создаётся ритмом. Примером звукоимитации может служить способность звука [у] передавать чувство тревоги, ужаса, беспокойства в соединении с соответствующим предметно-логическим смыслом высказывания. Близок к нему другой низкий по тону звук [о]: «Буря мглою небо кроет...». Здесь созданию тревожного настроения способствует и хорей. Другой пример из стихотворения К. Бальмонта «Фантазия»: «Это мчатся духи ночи, это искрятся их очи, В час глубокой полуночи мчатся духи через лес». Напротив, звук [и], отличающийся высотой тона, считается самым светлым. Близкий к нему по восприятию звук [е] также высокий по тону.

Метрические формы стиха обладают свойствами, располагающими к определённому рода семантике. «В какой-то степени различны «тональность» и эмоциональная атмосфера размеров трёхсложных (большая стабильность и строгость течения речи) и двусложных (в связи с обилием пиррихий – большие динамизм ритма и непринуждённая изменчивость характера речи)...» [Хализев 2002: 272].

Главную трудность для иностранцев при восприятии стихотворения на слух представляют лексическое значение слова, тропы и синтаксис. На семинаре можно подробнее остановиться на этих моментах, но на празднике такая возможность очень ограничена. Можно объяснить

лишь отдельные ключевые слова. Поэтому неподготовленным учащимся могут быть понятны лишь отдельные образы и мотивы. Однако предметное значение слова является «управляющим моментом» при познавательном высказывании, но в поэзии «формирующим центром» становится чувство активности порождения высказывания [Бахтин 1986: 81-82]. Кроме того в поэзии звук и значение связаны, обозначены термином звукоосмысл, который рождается, как утверждал В.В. Вейдле, из органического соединения звучания слова с интонацией, ритмом, а также прямым значением высказывания, поэтому понимание даже отдельных слов и их связей способствует восприятию. Через исполнителя, овладевшего всеми сторонами слова, передаётся не только этический, но и в какой-то степени познавательный момент содержания произведения, так как художественная активность направлена не на слова, а на образы, создаваемые с помощью слов. Узнавание ситуации ведёт, по видимому, к возникновению в воображении каких-то сценариев, связанных с нею и с прошлым опытом зрителя, прямым и усвоенным из книг, кино и телевидения. При этом экспрессивно-экстатическое состояние поэта и исполнителя передаётся созерцателю. Восприятию способствует и тот факт, что стихотворение исполняется в контексте всего праздника поэзии, проходящего по определённому сценарию, о котором речь пойдёт в следующей части нашей работы.

Следует также учитывать, что часть зрителей – это учащиеся с доминирующим правым полушарием, обладающие конкретно-нелинейным типом мышления. Они воспринимают информацию преимущественно образно. Это интуитивисты, решающие задачи по типу озарения. «Их стратегия не словообобщение, а словопредставление – в отличие от левополушарных они устанавливают связи не от слова к слову (от родного языка к иностранному), а от образа к слову, опираясь в значительной степени на изобразительную и эмоциональную сферу... Они с удовольствием работают с аутентичными текстами, понять которые им помогает интуиция» [Мелентьева, Корсакова 2000: 8]. Иногда на празднике звучат художественные переводы стихотворений русских поэтов, сделанные учащимися.

Далее приводим высказывания зрителей и участников праздника, которые иллюстрируют и подтверждают некоторые положения данной работы. При этом сохранены грамматические и лексические особенности высказываний.

«Если говорить о 80 минутах – это немного времени, но я чувствовала много того, что раньше незаметно проходило мимо меня. Хотя я не поняла все слова, которые звучали в стихах, но я чувствовала их в силу

особой стихотворной интонации и особой атмосферы, которая окружала нас в Пушкинской гостиной в тот день. Я теперь поняла, что важно не только понимать стихи, но и чувствовать их. И наверное, я смогу разговаривать с поэтом, так как поэзия – это диалог» (Кан Донг Хи, Корея).

«Иностранные студенты, которые готовили выступление, не чувствовали напряжения, а очень хотели выступить на вечере. Здесь атмосфера была непринуждённой, что невозможно наблюдать в работе по принуждению. Без помощи преподавательниц иностранные студенты, у которых разные характеры, были активны и увлечены игрой на сцене. Хотя они не очень хорошо говорили по-русски, тем не менее сделали всё, что в их силах. К сожалению, мне ещё трудно понять всё содержание вечера. В следующий раз я тоже хотел бы выступить на концерте» (Чун Хо-Кан, Корея).

«Будешь не только понимать русскую культуру, но и чувствовать. Когда мы на сцене, то чувствуем себя настоящими артистами» (Ли Вэй, КНР).

«Это будет навеки в моей памяти» (Кин Сон Ан, Корея).

«На вечере, когда я читала Блока, я была счастливая и чувствовала так, как будто жила в «серебряном веке». Я хочу больше изучать стихотворения «серебряного века» (Пак Со-Ён, Корея).

«Праздник поэзии – это драматическое переживание русской культуры» (Патрик Тайлер, США).

Приведённые выше высказывания свидетельствуют о том, что нельзя недооценивать эмоциональную сферу. За пределами науки часто остаются этические и эстетические эмоции, сознание в целом. Однако последние исследования Антонио Домасио в области нейрофизиологии доказывают, что разум не может функционировать без эмоций. Излишняя рационализация вызывает сенсорное голодание. Эстетическая деятельность на материале классической литературы помогает утолять эмоциональный голод и воспитывать культуру чувств. Особая роль и значение праздника поэзии состоят в активизации личности. «Творцом переживает себя единичный человек-субъект только в искусстве» [Бахтин 1986: 88]. Кроме того, эта деятельность создаёт дополнительную мотивацию при изучении русского языка, помогает овладеть всеми его средствами, особенно фонетикой и интонацией, а также создаёт предпосылки для эвристических способов овладения языком, без которых человек не смог бы выучить и родной язык.

Л и т е р а т у р а

- Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М., 1986.
Борев 1981 – *Борев Ю.Б.* Эстетика. М., 1981.
Борисов 1998 – *Борисов А.Ю.* Роскошь человеческого общения. М., 1998.
Вейдле 2001 – *Вейдле В.В.* Эмбриология поэзии. М., 2001.
Володина 2002 – *Володина М.В.* Итальянская звучащая речь в сопоставлении с русской. Единство и взаимодействие средств высказывания. М., 2002.
Гаспаров 2001 – *Гаспаров М.Л.* О русской поэзии. СПб., 2001.
Кулибина 2001 – *Кулибина Н.В.* Зачем, что и как читать на уроке. СПб., 2001.
Лотман 1996 – *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии. СПб., 1996.
Мелентьева, Корсакова 2000 – *Мелентьева Т.И., Корсакова Н.К.* Функциональная асимметрия полушарий мозга и дифференцированное обучение иностранным языкам. М., 2000.
Хализев 2002 – *Хализев В.Е.* Теория литературы. М., 2002.

**Условия приема рукописей
в сборник «Язык, сознание, коммуникация»**

Рукописи принимаются в виде файла на 3,5" дискете, отформатированной для IBM PC с приложением распечатки рукописи.

Набор осуществляется в формате Microsoft WinWord 97/2000 с использованием шрифта Times New Roman русифицированной версии Microsoft Windows.

В случае, если текст рукописи содержит символы, отсутствующие в данном шрифте (знаки транскрипции, буквы церковной кириллицы, иероглифы и т. п.), при наборе может быть использован (для набора этих дополнительных символов, но не для набора основного текста!) шрифт Arial Unicode MS (содержится в пакете MS Office 2000 — при установке установить мультязыковую поддержку) или дополнительные шрифты формата .ttf (в этом случае дискета, помимо файла с текстом рукописи, должна содержать файл с соответствующим дополнительным шрифтом).

Сноски оформляются через опции Вставка; Сноска с соблюдением следующих параметров:

Положение: Внизу страницы
Формат номера: 1, 2, 3...
Начать с: 1
Нумерация: Начинать в каждом разделе

Основной текст набирается 10 кеглем, текст сносок и примечаний — 8 кеглем, межстрочный интервал: Одинарный.

Ориентация листа бумаги А4:	Книжная
Поля:	Верхнее: 2 см.
	Нижнее: 11,2 см.
	Левое: 2 см.
	Правое: 8 см.

Текст может содержать графические объекты в формате *.bmp, *.tif, *.wmf, *.jpg.

Научное издание

Отв. ред. Виктория Владимировна КРАСНЫХ, Андрей Иванович ИЗОТОВ

Язык, сознание, коммуникация:

Сб. статей

Выпуск 27

Подписано к печати 18.06.2004 г. Формат издания 60*90 1/16. Гарнитура Times.

Бумага офсетная. Печать плоским способом. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 100 экз.

Заказ №